

Р. РУБИНШТЕИН

ВАТОРК
УТОРК
КЦЕРК
КЦИС
БДИС
МОД

**Издательство
„Детская литература“
Москва 1967**

Р.РУБИНШТЕЙН
ЗА
ЧТО
КСЕРКС
ВДІСЕК
МОРЕ

Рассказы
из истории
греко-персидских
войн

Р 2
Р 82

Рисунки
В. Андреевкова

О ГЕРОДОТЕ

Почти две с половиной тысячи лет назад жил в Элладе всем известный человек, один из самых древних историков мира. Он родился в 485 году до нашей эры в городе Галикарнасе и оттого получил прозвище «Геродот Галикарнаский».

Только что закончились греко-персидские войны, которые продолжались почти сорок лет. Еще были живы участники кровопролитных сражений, очевидцы многих событий. По их рассказам Геродот и решил описать историю этих войн «для того, чтобы от времени не изгладились в памяти деяния людей. . . главным образом для того, чтобы не была забыта причина, по которой между эллинами и персами возникла война».

Геродот объездил все страны, некогда подвластные персидской державе, и записал историю Египта и Вавилона, Мидии и Персии. Подробнее всего он описал греко-персидские войны и воспел победу эллинов.

Геродот запоминал все, что видел и слышал: легенды, сказания, подлинные факты и мифы. Историю Геродота много раз переписывали, свитки папируса и пергамента хранили в самых больших библиотеках того времени.

И после смерти Геродота не остыл интерес к его работе. Тогда для большего удобства сочинение Геродота разделили на девять частей, или, как их тогда называли, «книг». Каждой присвоили имя одной из девяти муз — богинь, покровительниц науки и искусства.

Клио — муза истории (I книга), Евтёрпа — муза лирической поэзии (II книга), Талия — муза комедии (III книга), Мельпомэна — муза трагедии (IV книга), Терпсихора — муза танца (V книга), Эрато — муза поэзии (VI книга), Поли́мния — муза пантомимы (VII книга), Ура́ния — муза астрономии (VIII книга), Каллио́па — муза эпоса (IX книга). В каждой книге от ста пятидесяти до двухсот параграфов.

За этот огромный труд знаменитый римский оратор Цицерон назвал Геродота «отцом истории». Так это прозвище и осталось за ним навсегда.

Рассказы, которые составляют эту книгу, написаны по

Геродоту. Происходило ли все в действительности

так, как описано у Геродота? Во всяком случае, так могло быть.

А может, так и было

на самом деле.

Афиняне постановили снарядить на помощь ионийцам двадцать кораблей... Эти-то корабли и положили начало бедам как для эллинов, так и для персов...

СОЛОН,
СОЛОН:
(Пролог)

В Древней Персии считали финикийцев виновниками распрей, из-за которых началась война между персами и эллинами.

Финикийские купцы, знаменитые мореходы, плавали по всем морям и посещали далекие страны. С египетскими, ассирийскими, греческими товарами они заходили во все прибрежные города. Распродав все, что они везли, финикийцы отправлялись в обратный путь. При этом они нередко хитростью заманивали на корабль местных жителей и увозили с собой, а затем продавали в рабство. Особенно охотно завлекали они женщин. Так они похитили Ио, дочь царя Аргоса, и увезли ее в Египет. В ответ на это греки похитили из Колхиды царевну Медею. Царь Колхиды потребовал, чтобы вернули дочь и уплатили штраф за ее похищение. Греки отказались: ведь за увоз царевны Ио финикийцы ничего не заплатили.

Эти случаи были не единственными, но пока дело ограничивалось взаимными обидами и недовольством.

В поэме Гомера «Илиада» рассказывается о том, как юный Парис, сын троянского царя Приама, похитил прекрасную Елену, жену спартанского царя Менелая. Это и послужило причиной вражды между жителями Европы и Малой Азии. Елена была так прекрасна, что во всей Элладе нельзя было найти женщины красивее ее. Слух о ней распространился по всему свету. Он достиг далекой Трои, что находилась в Малой Азии. Юный Парис захотел увидеть прекрасную Елену. Афродита, богиня любви и красоты, внушила Парису любовь к Елене еще до того, как он ее увидел. Парис решил на отчаянный поступок. Он снарядил корабль и вместе с другом Энеем отправился в Спарту. Ни уговоры отца, ни предсказания о грядущих бедах не остановили Париса.

С почетом принял Менелай нежданных гостей. В их честь был дан пир. Стол ломился от яств. Среди спартанцев рядом с Менелаем сидели Парис и Эней. И вдруг, сияя сверкающей красотой, вошла Елена. Восхищенный Парис взглянул на Елену и уже не мог отвести от нее глаз. Любовь вскружила ему голову и лишила разума.

Неожиданно Менелая пришлось отлучиться из дому на несколько дней. Этим воспользовался Парис. С помощью богини Афродиты он уговорил Елену бежать с ним в Трою.

В устье Эвроты стоял на якоре троянский корабль. Парис и Эней тайком привели туда Елену и увезли с собой.

Велик был гнев Менелая, когда, возвратившись домой, он узнал о вероломстве гостей. Страшную обиду нанесли ему троянцы. Жаждой мести был охвачен спартанский царь.

Менелай созвал всех героев Эллады и пошел войной на Трою.

Вот по какой причине, рассказывается в легенде, началась Троянская война. Она продолжалась долгие годы. Много отважных героев пало на полях сражений с той и другой стороны. В конце концов эллины одержали победу.

Персы считали себя потомками древних троянцев. Они с возмущением вспоминали, что эллины из-за одной женщины лакедемонянки собрали огромное войско и разрушили царство Приама. С тех пор персы стали считать эллинов своими врагами.

Эти легенды Геродот записал в своей истории, хотя он сам находил, что это сказки.

Совсем другие события и обстоятельства послужили причиной, из-за которой началась война между персами и эллинами.

На весь мир славился своим богатством царь Лидии — Крез. Его дворец в столице Лидии, Сардах, блистал роскошью, в подвалах хранились сокровища, которых никто не мог сосчитать, так их было много. А Крез без конца скупал все новые и новые вещи для украшения дворца. Он платил за них кусками золота и серебра, отрубленными от больших слитков. Это было очень неудобно. Слитки должны были иметь определенный вес, и каждый раз приходилось их откалывать и взвешивать.

И Крез догадался, что можно сделать небольшие кусочки золота равного веса, придать им одинаковую форму, — так впервые в Лидии стали чеканить монеты. На них была изображена голова льва.

У Креза было большое войско, много среди них было наемников, которым богатый царь платил огромные деньги. Всю Малую Азию завоевал Крез, подчинил своему господству и греческие города-колонии на побережье Эгейского моря — Эфес, Милет, Галикарнас.

Крез кичился богатством и могуществом своего большого царства. Он считал себя самым счастливым человеком в мире.

Только один человек не поверил в счастье Креза. Это был афинянин Солон, впоследствии ставший первым архонтом¹ в Афинах. Солон объездил много стран. Во время путешествия он посетил Лидию. Крез приветливо встретил Солона, слава которого, как мудреца и поэта, была известна лидийскому царю. Он показывал ему свои сокровища и великолепный дворец, хвалился своим богатством. Затем он самодовольно спросил:

— Солон, до нас дошла молва о твоей мудрости. Ты посетил многие земли. Встречал ли ты счастливых людей? И кого ты можешь назвать самым счастливым?

— Афинянина Телла, Крез.

— В чем же его счастье? — удивился царь Лидии.

Солон ответил:

— Он имел прекрасных детей и дожил до старости. В одном сражении он помог обратить в бегство неприятеля и пал на поле брани. Афиняне похоронили его, оказав ему большие почести.

Креза не удовлетворил ответ.

— Кто же, по-твоему, второй счастливец? — спросил опять Крез, думая, что теперь Солон назовет его имя.

— Жили в Арголиде² два брата — Клеобис и Битон. Сильные и красивые юноши, они много раз были победителями в различных состязаниях. Однажды их мать собралась ехать на праздник в храм. Упряжку быков не привели вовремя с поля. Тогда братья наложили на себя ярмо и сами отвезли мать в храм. Но когда они прибыли на место, то от напряжения оба упали замертво. Это была прекрасная смерть. Все прославили их за силу и преданность матери, а мать — за таких сыновей.

Раздосадованный Крез спросил опять:

— Неужели ты не считаешь меня счастливым и ставишь меня ниже простых людей?

— Счастлив тот, кто владеет небольшим состоянием и благополучно кончает жизнь. Пока человек живет, он не

¹ А р х о н т — Афинами управляли 9 архонтов, из них первый был главным правителем.

² А р г о л и д а — северо-восточная область древнего Пелопоннеса.

знает, что его ждет. Многих людей божество ласкало надеждой счастья. Конец же их был печальным.

Не понравились Крезу речи Солона. Глупыми показались его ответы.

Прошло много лет. Пало Мидийское царство. На его месте возникла могущественная Персидская держава. Персидский царь Кир покорял одно царство за другим. Дошла очередь и до Лидии.

В долине на подступах к Сардам встретились войска Креза и Кира.

В то время в Азии не было народа сильнее и воинственнее лидян. Они были прекрасными всадниками. Сражались они на лошадях и вооружены были длинными копьями.

Когда Кир увидел перед собою ряды лидян, построенных в боевом порядке, он пришел в ужас от вида могучей лидийской конницы.

Тогда по совету одного из военачальников Кир спешно перестроил ряды своего войска.

Все продовольствие персидской армии было погружено на верблюдов. Кир повелел снять с верблюдов всю поклажу, посадить на верблюдов всадников и построить их в первом ряду. За ними следовала пехота, ряды замыкала конница.

Когда оба войска сошлись, лошади, испуганные видом верблюдов, отпрянули и повернули назад. Все надежды Креза на лучшую часть войска не оправдались. Лидийская армия во главе с царем укрылась за стенами Сард. После долгой осады город пал.

Персы ворвались в столицу, жгли и грабили город. Крез был захвачен в плен, и его приговорили к казни. Он был привязан к деревянному столбу, и уже собирались зажечь под ним костер.

Вспомнил тогда Крез речи Солона и горестно воскликнул:

— Солон, Солон!

Удивленный Кир спросил Креза, что означает его возглас.

И Крез рассказал Киру о своей беседе с греческим поэтом-мудрецом. Пораженный этой историей, Кир повелел разбросать хворост и снять с Креза оковы.

Долго глядел Крез на то, как персидские воины разоряют дома лидян. Затем он обратился к Киру:

— Могу ли я, повелитель, сказать тебе то, что я думаю? Или я должен молчать?

— Говори, — разрешил Кир.

— Что делает толпа твоих воинов?

— Грабит твой город и расхищает твои сокровища!

На это Крез заметил:

— Не мой город и не мои сокровища грабят твои воины. У меня больше нет ничего. Они расхищают твоё достоинство.

Восхищенный мудростью Креза, Кир оставил его при себе и всегда спрашивал у него совета, как следует поступать.

После победы над Крезом Киру подчинились все владения Лидии. Греческие города в Малой Азии попали под власть персов.

Прошло много лет. Тяжело было эллинам переносить господство персидских деспотов. В ионийском¹ городе Милете готово было вспыхнуть восстание.

Бывший правитель Милета Гистийэй находился в Персии при царском дворе. Он мечтал вернуться на родину, но персидский царь держал его около себя.

Гистийэй рассчитывал, что, если в Милете ионийцы восстанут против персов, ему каким-нибудь образом удастся вернуться домой. Он знал, что господство персов тяготит его сограждан, привыкших к свободе, что недостает лишь толчка, чтобы вспыхнул мятеж. Его долг находиться там. Но Гистийэй слишком хорошо знал, что Кир его не отпустит. Поэтому Гистийэй решил сообщить Аристагору, который был в то время правителем Милета, о своих планах.

Но как это сделать? Все дороги охраняла стража. Она не пропускала ни одного гонца, не проверив, что он везет. И Гистийэй придумал хитрый способ, как обмануть охрану. Он обрил голову самому верному рабу и уколами на голове написал или, точнее, наколол послание Аристагору, повелителю Милета. Через некоторое время волосы отросли на голове раба, и Гистийэй отправил его в Милет.

Раб явился к Аристагору:

¹ Иония — населенная греками западная часть Малой Азии и прилегающие к ней острова.

— Сбрей мои волосы, и ты сможешь прочесть то, что написал тебе мой господин.

Послание Гистияэя пришло вовремя. В Милете уже все было подготовлено к восстанию.

Аристагор был душою заговора. Во всей Ионии он прогнал наместников персидского царя и этим привлек на свою сторону народ. Теперь ионийцы сами выбирали своих правителей.

Однако Аристагор боялся, что Милету и всем городам эллинов на побережье Малой Азии не справиться с персами, которые несомненно захотят наказать восставших и вернуть Персии власть над этими городами.

Аристагор отправился в Спарту просить помощи. Он явился к спартанскому царю Клеомену и показал ему медную карту — на ней был вырезан весь круг земной, моря и реки. Аристагор обратился к царю:

— Смотри, это греческие города под властью варваров¹. Величайший позор для нас, что ионийцы находятся в рабстве у персов. Для вас это еще тяжелее. Ведь вы первое государство в Элладе. Всеми богами эллинов заклиная вас, — продолжал Аристагор, — освободите ионийцев, ваших братьев по крови. Вам легко это сделать, ведь вы превосходите всех в доблести. Варвары же вооружены луками и короткими копьями. В битву они идут в штанах и с тиграми на головах. Они не отличаются храбростью в бою, и вам легко их одолеть.

Спартанцы не сочувствовали городам, где у власти стояли выборные народа.

— Сколько дней пути до Азии? — спросил царь Клеомен Аристагора.

— Не менее трех месяцев, — был ответ.

— Любезный милетянин, уходи из Спарты до заката солнца. Твою просьбу невозможно исполнить. Спартанцы не могут отойти от моря на три месяца.

Так ответили спартанцы на просьбу Милета о помощи.

Аристагор отправился в Афины. Город этот был самым могущественным и богатым городом в Элладе. Великолепные храмы из пентельского мрамора украшали его площади. «Школа всей Греции», «Эллада Эллад», как назвал этот город древнегреческий историк Фукидид.

¹ Так греки называли всех неэллинов.

Аристагор произнес перед народным собранием такую же речь, как перед спартанским царем. Только он прибавил еще:

— Помните, афиняне! Милет — афинская колония. И вы, как подобает более сильным, должны защитить ваших слабых сограждан.

Народное собрание афинян решило послать на помощь Милету двадцать кораблей. Афинские корабли прибыли в Милет. Вместе с ними прислали пять трирем жители Эритреи.

Большое войско персов выступило против Милета. После долгой борьбы на суше и море город пал. Его сожгли и разграбили. Победив Милет, персидский царь Дарий снова покорил все города эллинов на побережье и начал готовиться к походу на Элладу.

Над эллинами нависла страшная угроза нашествия варваров.

Мидийскому царю Астиагу приснился сон, что из тела его дочери Манданы выросла виноградная лоза и ее побеги покрыли всю Азию. Он рассказал сон мудрецам, толкователям снов, и они ему объяснили...

СКАЗАНИЕ О КИРЕ

Среди ночи проснулся от ужаса мидийский царь Астиаг. Вторую ночь подряд снится ему страшный и непонятный сон. Будто лежит на постели его любимая дочь Мандана и из ее тела выросла виноградная лоза. Во все стороны пустила она ветви и побеги. Стремительно растут они, и вот уже покрыто ими Мидийское царство, за ним Иранское плоскогорье и, наконец, все земли и страны, подвластные Астиагу. Достигли виноградные лозы и дворца в Экбатане, распространились по всем комнатам, забрались в царскую спальню, обвились вокруг тела Астиага и стали душить его. Не своим голосом вскрикнул царь и проснулся, обливаясь холодным потом.

Перепуганный слуга вбежал в спальню:

— Что с тобой, владыка?

Астиаг еле перевел дух:

— Послать немедленно за мудрецом. Пусть растолкует мой сон.

— Теперь глубокая ночь, владыка.

— Так прикажи разбудить мудреца и тотчас доставить его ко мне!

Слуга молча удалился. Астиаг лежал с открытыми глазами. Он больше не мог уснуть. Почему второй раз он видит один и тот же сон? И что это означает? О чем предупреждают его боги?

Год назад Астиагу тоже снился вещий сон. В тот раз мудрецы предсказали ему, что беда подстерегает царя. Она придет во дворец от Манданы, любимой дочери Астиага. Тогда царь решил избавиться от Манданы, выдать ее замуж и отправить из Мидии, как можно дальше от столицы Экбатаны. Даже знатного мидянина побоялся Астиаг сделать своим зятем. Вдруг возгордится он, став мужем царевны, и захочет захватить царский трон. Ведь именно так растолковывали мудрецы вещий сон Астиага: человек из дома Манданы свергнет царя с престола.

И выбрал Астиаг для дочери мужа — перса Камбиса из знатного персидского рода Ахеменидов.

Уже год прошел с тех пор, как отпраздновали свадьбу и молодые уехали на родину мужа в Персию.

И вот снова увидел Астиаг вещий сон. Что сулит ему судьба, о чем предупреждают его боги?

Астиаг беспокойно заметался на постели. Слуга только что ушел, а царю казалось, что прошла уже целая вечность. Но вот, наконец, тихо открылась дверь, и телохранители впустили в опочивальню высокого старца с длинной седой бородой. Просторная одежда из тяжелой ткани падала прямыми складками, на голове была надета высокая шапка.

— Чем ты обеспокоен, владыка? Что смутило твой сон? — спросил старик, приблизившись к постели.

Астиаг застонал:

— Я опять видел страшный сон. Растолкуй мне его. Почему лоза, которая выросла из тела Манданы, покрыла все мои владения, обвилась вокруг меня и стала душить?

Мудрец призадумался.

— Господин мой, боги снова предупреждают тебя, — наконец сказал он. — Только на этот раз они предрекают: лоза из тела Манданы — это сын, который вскоре у нее родится. Он завладеет твоими странами, свергнет тебя с престола и станет царем. Так надо понимать твой сон, об этом предупреждают тебя боги.

— Что же мне делать? — в отчаянии спросил Астиаг. — Как обойти судьбу и избавиться от соперника, который должен родиться?

— Боги предупредили тебя. А ты сам должен думать, как тебе следует поступить. Хорошо, если Мандана будет около тебя, когда у нее родится сын. Но лучше, если ребенок не останется в живых.

Молча выслушал Астиаг совет мудреца. Кивком головы отпустил его. И старик, отвесив низкий поклон, медленно попятился к двери, не поворачиваясь к царю спиной.

Астиаг остался один, погруженный в тяжелые раздумья. Ужасный выход указал ему мудрец, но иначе поступить нельзя: либо надо погубить будущего внука, либо погибнуть самому.

Рано утром из Экбатаны выехал царский гонец. Он мчался вихрем на сильном красивом коне. Гонец погонял его, не жалея сил ни своих, ни лошади. Ему был дан приказ как можно скорее достигнуть Пасаргад и привезти с собой в столицу царскую дочь Мандану.

Через месяц царевна с мужем в сопровождении слуг и телохранителей подъезжала к родному городу Экбатане.

Все выше в горы поднимается процессия. Среди горных склонов, покрытых лесами, проложены широкие дороги. Извилистой лентой кружат они между вершин и ущелий. Где-то далеко внизу шумит горный поток. Наконец путники вышли на открытое место. И перед их глазами вверху на холме возник роскошный дворец. Сверкала на солнце серебряная черепица, горели золоченые колонны портиков, блестящим кольцом окружали дворец золотые зубцы кирпичных стен. А за ними еще шесть стен, шесть зубцов различного цвета — серебряные, голубые, ярко-красные, черные и, наконец, белые зубцы самой последней наружной стены.

Путники проехали по улицам города, раскинувшегося перед укреплениями. По обеим сторонам узких улиц тянулись глухие беленые заборы, стояли небольшие одноэтажные домики с навесами, поддерживаемыми столбами или колоннами. Процессия едва могла поместиться в этих узких и кривых переулках, она растянулась на большое расстояние; шум голосов, стук копыт и ржанье лошадей, казалось, заполнили весь город.

Но вот процессия достигла первых ворот крепости, прошла вторые, третьи. . . Вот пройдены и последние, седьмые, — у колонны стоял Астиаг, ожидая дочь.

Радостно бросилась Мандана на грудь отцу. Сияя счастьем, шепнула ему на ухо, что ожидает рождения сына. Отвел глаза в сторону Астиаг, погладил дочь по голове и велел ей идти отдыхать с дороги в приготовленные покои.

А на другой день Астиаг позвал к себе Гарпага, самого близкого и преданного царедворца.

Долго молчал Астиаг, не зная, как начать тяжелый разговор.

— Послушай, Гарпаг! Пусть будет вечной тайной то, что я скажу тебе. Если ты нарушишь ее — предашь меня. Тогда будет горе тебе и твоему дому. . . — Астиаг помолчал.

Гарпаг низко поклонился властителю.

— Клянусь всемогущими богами, всем, что мне дорого, навеки хранить переданную мне тайну и исполню любое твое повеление.

— Всесильные боги предсказали мне, что погубит меня сын Манданы, который должен скоро родиться. Когда младенец появится на свет, тебе передадут его. Ты должен лишить его жизни и тайно похоронить в любом месте, где захочешь. . . А теперь ступай и жди, когда за тобой пришлют.

— Я всегда был верным слугой моего великого господина, — ответил Гарпаг, — и теперь я повинуюсь твоему приказанию.

С этими словами Гарпаг тихо удалился.

Прошло несколько дней. Гарпаг не находил себе места. Что делать? Убить невинного младенца? Что может быть ужаснее этого злодеяния! Оставить его в живых — значит ослушаться приказа царя и навлечь на себя его страшный гнев. Даже жене своей не мог открыться Гарпаг, и тем труднее было ему принять какое-нибудь решение. Он знал, что каждый день его могут позвать во дворец, но когда за ним на рассвете прибежала служанка Манданы, Гарпаг испугался.

Недолго пробыл Гарпаг в царских покоях. Он быстро возвратился оттуда домой. Под плащом Гарпаг нес ребенка, завернутого в расшитые золотом ткани.

У него больше не было сил таиться от жены. Со слезами на глазах вошел он к ней и протянул запеленатого младенца.

— Откуда это? Где ты взял ребенка в таких роскошных пеленках? — удивилась жена Гарпага.

И тогда Гарпаг все рассказал ей: и о разговоре с царем Астиагом, и о приказе властелина погубить новорожденного. Ужаснулась она такой жестокости, взяла на руки мальчика и стала его ласкать.

— Как же ты намерен поступить? — спросила она мужа. — Неужели ты выполнишь царскую волю?

— Нет! — ответил Гарпаг. — Я не могу своими руками совершить такое злодеяние. Я отдам ребенка пастуху царских стад. Пусть раб Астиага исполнит желание своего властелина. А я и мои люди не будем виновны в убийстве.

И тут же в горы был послан гонец. Там на тучных лугах, покрытых сочной травой, паслись царские стада. Охранял их пастух, по имени Митридат. Много диких зверей водилось в этих местах. Кровожадные хищники бродили по горным склонам, и горе было тому, кто попадался им на пути. Лучшее всего было оставить ребенка здесь на съедение зверям. Вот почему Гарпаг и послал за Митридатом.

Вскоре пастух явился к Гарпагу. Когда они остались в комнате одни, пастух вопросительно посмотрел на Гарпага: он не понимал, зачем его позвали и почему здесь

лежит запеленатый младенец. Но задавать вопросы знатному придворному бедный слуга не решился.

— Я позвал тебя, чтобы ты исполнил царский приказ, — начал Гарпаг. — Ты должен забрать с собой этого мальчика и отнести его на самую дикую гору. Младенец должен погибнуть как можно скорее.

Пастух задрожал. Он попытался что-то сказать, но Гарпаг так грозно поглядел на него, что у того язык прилип к гортани.

— Если ты нарушишь тайну или не исполнишь повеления Астиага и сохранишь ребенку жизнь, то тебя ожидает самая страшная казнь. Мне велено следить за тем, чтобы воля властелина была исполнена.

Пастух молча поклонился, взял на руки ребенка и понес его в свою хижину.

Его жена Спако оставалась дома. Она только что родила сына, но мальчик родился мертвым. Грустно сидела женщина, ожидая возвращения мужа. Каково же было ее удивление, когда Митридат вошел в дом, держа на руках запеленатого ребенка.

— Что это? Откуда? — изумилась Спако, протягивая к младенцу руки. — Великие боги! — вскрикнула женщина, когда увидела расшитые золотом пеленки. — Зачем ты принес в нашу бедную хижину знатное дитя? Где ты нашел его?.. Как бы не было нам от этого беды!

— Поклянись, что ты будешь хранить тайну. Иначе мы все погибнем, — сказал Митридат.

И Спако поклялась ему всеми богами, что будет молчать. Тогда Митридат рассказал ей о разговоре с Гарпагом.

— Сначала я подумал, что этот ребенок принадлежит кому-нибудь из слуг, — закончил свой рассказ Митридат, — но потом мне открыли правду. Это сын Манданы, дочери Астиага и Камбиса, знатного перса. Сам царь Астиаг приказал умертвить мальчика.

Обливаясь слезами, Спако обняла колени мужа и умоляла его не губить младенца. Но Митридат страшился царского гнева. Ведь Гарпаг угрожал ему жестокой казнью.

Еще громче зарыдала Спако:

— Если ты боишься гнева владыки, то сделай так: оставь мальчика у нас. Пусть он будет нашим сыном и заменит того, кто родился мертвым. А мертвого ребенка заверни в роскошные пеленки и отнеси на дикую гору, под

видом внука царя. Мы воспитаем мальчика как родное дитя. Ты не совершишь злодеяния, и никто не сможет наказать тебя за непослушание царю.

Митридату понравился совет жены. Он завернул мертвого младенца в царские одежды, положил его в корзинку и ушел в горы. Там он оставил корзинку на самой дикой вершине.

Через два дня пастух явился к Гарпагу и сказал ему, что приказ его исполнен. Гарпаг отправил в горы своих верных оруженосцев проверить, так ли все сделано, как сказал пастух. Вскоре они вернулись и подтвердили, что Митридат сказал правду. И сына пастуха слуги похоронили, как царского внука. А настоящий внук Астиага рос в семье пастуха.

Было раннее утро. Солнце окрашивало своими лучами дворец, отражалось в сверкающей серебром крыше — казалось, оно спустилось, чтобы еще больше его украсить.

Бесшумно открылась дверь, и на колоннаду вышел Астиаг. Десять лет прошло с тех пор, как по его приказу был убит царский внук, сын Манданы. Но Астиаг выглядел таким же бодрым и сильным, хотя время посеребрило его волосы и бороду. Казалось, годы пощадили его.

Астиаг прогуливался вокруг дворца. Он совершал свою обычную утреннюю прогулку. Царь уже собирался направиться в свои покои, как шум голосов у ворот привлек его внимание. Астиаг остановился в ожидании.

Стражник с низким поклоном пропустил высокого человека, державшего мальчика за руку. Когда они приблизились, Астиаг узнал Артембара, одного из своих придворных. У мальчика было заплаканное лицо. Артембар был разгневанным и злым.

— Что привело тебя во дворец в такой ранний час? Чем ты разгневан? — спросил Астиаг, когда Артембар с сыном приблизились к нему и приветствовали повелителя почтительным поклоном.

— Владыка! Сын твоего раба оскорбил нас! — С этими словами Артембар поднял длинную рубаху из тонкого полотна и обнажил спину мальчика. Астиаг увидел на ней кровавые подтеки от ударов бича.

Царь нахмурился:

— Что это? Кто посмел избить твоего сына?

— Раб, сын раба Митридата, пастуха твоих стад, поднял руку на моего сына. Вчера он изхлестал его своим бичом.

Слова Артембара привели Астиага в страшный гнев. Три раза хлопнул он в ладоши. Тут же появился слуга.

— Немедленно привести ко мне пастуха Митридата. Пусть тотчас же явится во дворец вместе со своим сыном.

По грозному голосу царя слуга понял, что Митридату не избежать царского гнева. Он бросился из дворца исполнять приказ. Астиаг повернулся и ласково обратился к Артембару и его сыну:

— А вы оставайтесь здесь и ждите прихода обидчика. Я накажу его в вашем присутствии. — С этими словами царь удалился в свои покои.

Митридат в сопровождении слуги появился во дворце. За ним шел высокий красивый мальчик с гордым и независимым взглядом. Слуга повел их во дворец. Следом за ними вошли Артембар с сыном.

Митридат упал на колени перед царем. Астиаг жестом велел ему встать и гневно крикнул:

— Твой сын оскорбил сына моего придворного! — Затем он обратился к мальчику: — Как посмел ты, сын ничтожного раба, моего пастуха, поднять руку на сына знатного царедворца? Ведь Артембар первый человек в государстве после меня. Ты будешь за это жестоко наказан.

— Я поступил правильно! — отвечал мальчик, гордо подняв голову и глядя прямо в глаза царю. — Я и мои товарищи затеяли игру, они выбрали меня царем над ними. Все исполняли мои приказания, только он один ослушался меня. За это я наказал его. Если ты считаешь, что я виноват и заслуживаю кары, я повинуюсь!

С волнением выслушал Астиаг речь мальчика. Он пристально вглядывался в его лицо, и ему все больше казалось, что мальчик чем-то походит на него самого. И ответ его был слишком смелым и независимым для сына слуги.

«Десять лет прошло с тех пор, как у Манданы родился ребенок, — подумал Астиаг. — Похоже на то, что сыну пастуха как раз десятый год...» И страшное подозрение запало в душу царя. Наконец он пришел в себя и решил расспросить обо всем пастуха.

— Артембар, я поступлю так, что ни тебе, ни твоему сыну не в чем будет упрекнуть меня! — С этими словами Астиаг отпустил придворного.

Затем он велел отвести мальчика в другую комнату. Когда царь и пастух остались одни, Астиаг спросил:

— Откуда у тебя этот ребенок?

— Это мой сын! — Пастух низко поклонился царю.

Астиаг не поверил:

— Ты поступаешь неразумно! Зачем ты хочешь скрыть правду?

— Это мой сын и сын моей жены. Мы все живем в деревне, — упорствовал пастух.

— Ну что ж, — пожал плечами Астиаг, — если не хочешь отвечать добром, мы заставим тебя заговорить.

Царь хлопнул в ладоши, появились стражники и схватили Митридата.

Тогда пастух бросился в ноги владыке и рассказал ему всю правду, закончив свою речь мольбою о милости и пощаде.

Астиаг простил пастуха и отпустил его домой. А своего внука он оставил у себя во дворце. Мальчику дали имя Кир. И все же Астиага не оставляло беспокойство: а как же его сновидение и предсказание мудреца? Не опасен ли для него внук?

И приказал повелитель снова вызвать во дворец старика, который растолковал его сон.

Вскоре мудрый старец вошел в покои Астиага и приветствовал царя низким поклоном.

— Правильно ли ты истолковал мой сон? — спросил его Астиаг.

— Великий владыка, я все сказал так, как должно совершиться. И если мальчик жив, он будет царствовать.

— Да, — отвечал Астиаг, — мальчик жив! Он рос в горах в семье пастуха. Как-то играл он со своими товарищами, и те выбрали его царем. Он вел себя как настоящий повелитель. Что это может значить?

— Если мальчик остался в живых и один раз уже был царем, то будь спокоен и бодр духом! Предсказание исполнилось, вторично он не будет царствовать!

— Я и сам так думаю, — сказал Астиаг. — Теперь он мне не опасен. Посоветуй мне, что с ним делать дальше.

— Лучше всего отправь его куда-нибудь подальше от Экбатаны.

И Астиаг отправил Кира в Персию к его родителям.

По дороге в Персию Кир узнал, что он внук Астиага, сын Манданы и Камбиса. До сих пор он думал, что его отец Митридат, а мать — Спако, что означает по-мидийски «собака».

С радостью встретили Камбис и Мандана своего сына, о котором они ничего не знали много лет.

Кир с увлечением рассказывал им, как его воспитывали пастух и его жена. Он не уставал хвалить свою приемную мать, и имя Спако не сходило с его уст. И родители Кира рассказывали всем, что их сына вскормила

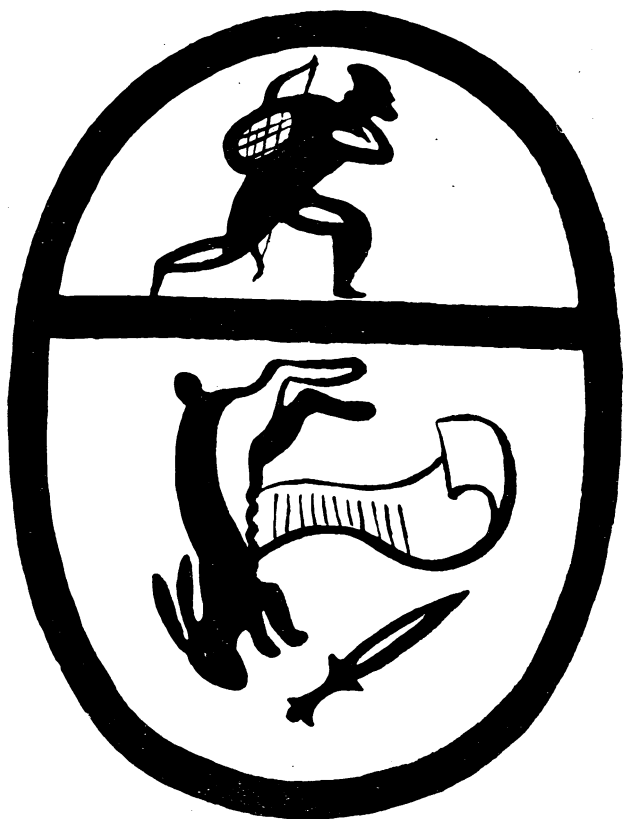
Спако — собака, и спасение Кира казалось еще

большим чудом. Прошли годы. И Кир

стал царем Персии и Мидии.

Исполнился вещей

сон Астиага.

Гарнаг прибег к такой хитрости: он приготовил зайца, разрезав ему живот так ловко, что не тронул шерсти, вложил туда письмо, в котором сообщил свой план. Потом он зашил живот зайцу и отправил его Кирю...

**ПИСЬМО,
ЗАЩИТНОЕ
В ЗАЙЦЕ**

Поздний час ночи. Луна еще не взошла. Черный мрак залил крепость с дворцом, улицы, весь город, заглушил все звуки. Только время от времени с зубчатых стен глухо доносились голоса перекликающихся часовых.

Но вот в одном из переулков в высокой каменной ограде отворилась калитка. Две темные фигуры, закутанные в плащи, выскользнули оттуда, дошли до перекрестка и повернули в разные стороны. Через некоторое время снова отворилась калитка, и на этот раз поодиночке выскользнули еще две, нет, как будто уже три тени, и исчезли в темноте. Гостей провожал сам хозяин дома — Гарпаг, один из самых доверенных царедворцев Астиага.

Заперев калитку, Гарпаг вернулся в комнату, слабо освещенную мерцающим светом трехрожкового бронзового светильника. Около низенького столика с резными ножками на ковре сидел еще один задержавшийся посетитель.

— Ну вот, Маскám, — обратился к нему Гарпаг, — все разошлись, пора и нам на покой.

— Ты все же настаиваешь, чтобы я остался ночевать?

— Как хочешь, друг. Смотри, ведь тебе возвращаться во дворец. Идти через семь ворот, давать ответ семи стражникам — откуда идешь, почему запоздал. Как бы не заподозрили тебя, а вместе с тобою и всех нас.

— Ты прав, Гарпаг. Я лягу в соседней комнате. А ты? Тоже пойдешь отдыхать?

— Раньше напишу письмо Киру. На рассвете хочу отправить это письмо с гонцом.

— Как бы его не перехватили в пути. Знаешь, сколько стражи по всем дорогам до самой границы расставил царь! Найдут письмо — не миновать мне казни. Знаешь, как жесток и злопамятен Астиаг!

— Слишком хорошо знаю, — помрачнел Гарпаг. — Я никогда не прощу ему казни моего сына. И месть моя будет такой страшной, как моя ненависть.

— Не ты один ненавидишь царя! — возразил Маскам. — Им недовольны многие из знатных людей Мидии. Он творит суд и расправу. Он ищет славы и золота и вовсе не думает о благополучии своих подданных.

— Да, так не поступали ни его отец, ни деды. — Гарпаг умолк. И после раздумья продолжал: — Кир молод и

горяч. Но мы поможем ему победить Астиага и стать царем; он будет у нас в руках.

— Рано еще говорить об этом, — возразил Маскам.

Маскам вышел в соседнюю комнату. Гарпаг сел писать письмо Киру, наместнику мидийского царя в Персии.

«Боги хранят тебя, Кир, сын Камбиса, иначе ты не поднялся бы так высоко.

Я думаю, ты хорошо знаешь, как ненавидят Астиага знатные люди в Мидии. Тебе также известно, что он казнил моего сына. Если ты доверишься мне, то будешь царем той земли, где теперь царствует Астиаг. Склони персов к восстанию и иди войной на Астиага.

Если Астиаг назначит меня полководцем, то будет все так, как ты пожелаешь. Знатные люди Мидии перейдут на твою сторону. У нас уже все готово. А ты действуй без промедления».

Письмо было окончено. Гарпаг подождал, пока высохла краска из сажи на тонком желтоватом листке пергамента, еще раз прочел написанное и пошел спать.

Едва забрезжил рассвет, в комнату к Гарпагу вошел слуга. В руках он держал убитого зайца. Слуга подошел к спящему, но не решился его будить. Вчера так долго горел светильник в комнате Гарпага — хозяин очень поздно лег. Жаль было прерывать его сон. Слуга был сыном кормилицы Гарпага, они были молочными братьями. Он был предан Гарпагу. Ему поручил Гарпаг доставить письмо Киру. Самому верному человеку мог доверить он это послание.

Наконец слуга решился. Но не успел он дотронуться до плеча спящего, как Гарпаг открыл глаза.

— Пора, хозяин, вставай.

Гарпаг стряхнул последние остатки сна, потянулся на постели и быстро вскочил:

— Где заяц?

— Вот он...

— Дай нож.

Слуга протянул нож:

— Сам наточил вчера.

Гарпаг положил зайца на стол и осторожно, чтобы не повредить шкурки, сделал надрез и выпотрошил зайца. Затем он завернул письмо в кусок материи и вложил его в живот зайца.

Слуга молча подал Гарпагу иглу с длинной крепкой ниткой. И Гарпаг осторожно зашил разрез, стараясь сделать шов как можно незаметнее.

— Готово! — сказал Гарпаг. — Теперь все зависит от тебя, — обратился он к слуге. — Оденься как охотник, возьми с собой лук и колчан со стрелами. А в сетку положи несколько убитых зайцев и засунь между ними этого, с зашитым письмом. Приедешь в Пасаргады, отдашь зайца самому Киру. Никому не доверяй.

— Все будет исполнено, господин, как ты говоришь.

— Будь осторожен. Помни, что по всем дорогам стоят дозоры, все пути охраняют стражники.

— Не беспокойся. Ты знаешь меня. Я пройду незаметно даже там, где зверь не пробежит и птица не пролетит.

Слуга отправился в Персию. Через несколько дней добрался он до Пасаргад. Большой двухэтажный дом Кира мало походил на дворец. Он напоминал дома, в которых жили его приближенные, только был немного просторнее.

Гонец прошел во двор. Он нашел Кира в саду. Несмотря на ранний час, Кир уже работал там, окапывая фруктовые деревья, обрезая сухие ветки. Это было его любимым занятием.

— Мой господин Гарпаг посылает тебе в подарок дичь, — обратился к Киру гонец, протягивая ему зайца.

— Зачем он мне? — удивился Кир. — Разве мало у нас искусных охотников?

— Этот заяц особенный. В нем драгоценная начинка. Вспори его, и увидишь нечто для тебя важное.

Все еще ничего не понимая, Кир взял зайца и удалился в свои покои. И только после того, как он вскрыл шов и достал письмо, ему стало ясно, почему Гарпаг обставил свою почту такой таинственностью.

Послание пришло вовремя. Кир и сам думал о том, что пора освободиться от власти мидийского царя. Знатные персы были недовольны Астиагом. Одного недовольства знатных еще недостаточно, чтобы начать войну с Астиагом. Надо поднять народ. Теперь же, получив поддержку Гарпага, Кир решил готовиться к походу на Экбатану.

Он разослал гонцов во все концы Персии, чтобы созвать начальников всех отрядов на военный совет. В те времена у персов еще не было постоянного войска. Все мужчины, молодые и старые, способные носить оружие,

считались воинами. По первому приказу каждый шел в свой отряд. Начальниками отрядов были знатные персы.

Собрался военный совет. Когда все заняли свои места, Кир вышел на середину и обратился с речью к присутствующим:

— До меня дошел слух, что мидийская знать недовольна Астиагом. Они готовы выступить против него, но все войско в руках царя. Если мы начнем войну, недовольные перейдут на нашу сторону и помогут одержать победу. Итак, настало время действовать. Довольно терпеть нам власть Астиага! — закончил Кир свою речь.

Все молчали.

— Кто согласен со мной? — спросил Кир. — Решайте. Выступать надо сейчас же или никогда.

— Нам так же ненавистна власть мидян, как и тебе, — сказал, вставая, один из старейших военачальников. — Но что будет, если мидийская знать нас предаст? Ведь войско у них во много раз больше и сильнее, чем наше ополчение.

Кир на минуту задумался: не прочесть ли им письмо Гарпага? Нет, пока нельзя открывать все до конца. Это может повредить делу. Ведь недаром говорят, что если три человека знают тайну, она перестает уже быть тайной. А здесь собралось несколько десятков военачальников.

— Предательства не может быть. У меня есть верные сведения о том, что мидяне окажут нам помощь, — продолжал Кир.

Наконец все участники военного совета согласились выступить против Астиага.

— Предоставьте это мне, — сказал Кир, — и повинуйтесь моим распоряжениям. Для начала пусть каждый из вас пришлет ко мне всех своих воинов с косами.

На этом кончился военный совет, и все разошлись по своим домам.

А через два дня все воины-ополченцы явились в Пасаргады вооруженные сверкающими на солнце косами. Кир велел всем собраться на большом лугу, заросшем густой травой и колючими кустами терновника. Когда все были в сборе, объявили распоряжение Кира: к вечеру надо скосить всю траву и выкорчевать кусты. И пока не будет все сделано, ни один воин не смеет покинуть луг.

После захода солнца работа была закончена. Косцов собрали и объявили второй приказ: завтра опять явиться

всем в Пасаргады. Но на этот раз орудия и оружие оставить дома, умыться и надеть самые нарядные и праздничные одежды. После этого всех отпустили.

Недоумевающие воины разошлись по домам. Они не понимали, что означает приказ вождя. Но тем не менее надо было повиноваться. И наутро все снова собрались на скошенном лугу. На войнах-ополченцах были нарядные одежды. Чисто умытые и отдохнувшие за ночь, они не походили на вчерашних истомленных косцов. Все были удивлены, увидев на лугу накрытые столы со всевозможными яствами. На каждом столе лежали жареные окорока коз и овец, целые туши вареных быков, тушеные, соленые и вяленые овощи и фрукты. А между ними возвышались глиняные сосуды с вином, окруженные кубками из бронзы и глины.

Пир продолжался до самого вечера. Когда все было съедено и выпито и люди, уставшие от обильного угощения, отдыхали, лежа на земле, к ним пришел Кир.

— Воины мои! — обратился он ко всем. — Весь персидский народ! Скажите, что вам больше нравится — работать, как вчера, или пировать как сегодня?

Громкий гул восторженных голосов, пронесшийся по лугу, был выразительным ответом:

— Вчерашний день — одни тяготы, сегодняшней — только наслаждение. Кто захочет выбрать горький труд вместо радости отдыха!

Подхватив эти слова, Кир стал перед народом и произнес речь:

— Сейчас под властью Астиага вы живете так, как провели вчерашний день. Если вы пойдете за мной, то будете свободны от тяжелого труда, который должны выполнять рабы. Если же вы не послушаетесь меня, то уделом вашим будет подневольный труд, без отдыха и без надежды на лучшее. Идемте за мной, я избавлю вас от унижения и тяжелых работ. Сам бог Ахурамазда поставил меня вождем над вами. Он предназначал мне выполнить этот подвиг, избавить вас от власти мидян. Я не считаю вас ниже мидийских воинов. Вы не менее искусны в военном деле, чем они. Отвернитесь от Астиага и идите за мной. Я обещаю вам полную свободу.

Толпа загудела. Из общего гама иногда вырывались отдельные возгласы:

— Долой Астиага! Довольно мидянам владеть нами!

Хватит платить им дань! Пойдем добывать свободу! Веди нас, Кир, мы идем за тобой!

И тогда снова выступил Кир и поднял руку. Шум стих.

— Идите по домам. Соберите свое оружие. Будьте готовы по первому зову явиться в свой отряд. Каждый начальник соберет всех своих воинов.

Толпа медленно расходилась. А Кир удалился в свои покои. Там был собран военный совет. Надо было договориться обо всех приготовлениях к походу и точно установить день выступления.

Это случилось раньше, чем Кир предполагал.

До Астиага дошли слухи о военных приготовлениях Кира, о сборе ополчения. Царю стало ясно, что Кир готовит восстание против него и хочет захватить Мидию. Этого нельзя было допустить. Надо пресечь измену в самом начале. И Астиаг послал в Персию гонца со строгим приказом Киру немедленно явиться в Экбатану.

Но Кир и не подумал подчиниться этому требованию. Он пренебрежительно принял посла, не пустил его дальше порога покоев. Кир прочел послание Астиага, усмехнулся и велел гонцу передать ответ:

— Скажи моему повелителю, что я буду у него раньше, чем он сам того желает.

Посланный вернулся во дворец в Экбатану и в точности передал Астиагу слова Кира.

Вспыхнул от гнева Астиаг:

— Значит, Кир хочет воевать со мной? Тогда он сполна получит то, что заслужил. Он забыл, что наше войско больше персидского, лучше обучено и богаче вооружено. Посмотрим еще, кто выйдет победителем!

И Астиаг отдал приказ готовиться к войне. Надо дать достойный отпор персам и усмирить непокорного Кира. Вскоре войска были в боевой готовности. И, не дожидаясь выступления персов, Астиаг двинулся на юг.

Одну ошибку совершил Астиаг, сам того не подозревая. Он все еще полностью доверял Гарпагу и поставил его во главе войска. Кроме того, многие заговорщики были предводителями отрядов. Они ждали только сигнала от Гарпага, чтобы осуществить свой замысел.

Гарпаг был осторожен. Он не хотел сразу переходить на сторону Кира. Ведь мидяне могли не последовать за ним. Нужно было время, чтобы подготовить измену в вой-

ске. И Гарпаг выжидал, пока наступит удобный момент. Пользуясь своим положением, он держал в резерве те отряды, во главе которых были заговорщики.

В начале сражения перевес все же был на стороне Астиага, и мидяне уже вступили в Персию. В одной из схваток им удалось нанести такой удар персам, что многие воины бросили оружие и бежали. Они хотели укрыться от врага за городскими стенами. Тогда за ворота выбежали персидские женщины и преградили путь беглецам. Они осыпали их бранью, проклятиями, насмешками:

— С каких пор у мужчин заячьи сердца?

— Трусы, вам бы сидеть дома и качать младенцев, а не сражаться на поле брани! . .

И многими обидными словами награждали они беглецов.

Вперед вышла одна высокая женщина. Она громко крикнула:

— Опомнитесь, сыны Персии! Где ваше мужество, ваши клятвы?

И, вырвав меч из рук воина, она подняла его вверх и с победным криком устремилась вперед. Бегущие воины остановились в замешательстве. Но вот один повернул обратно, за ним другой, третий. Завязался жаркий рукопашный бой. И мидяне, не выдержав неожиданного натиска, отступили. На этот раз победа осталась за персами. Поражение ослабило мидийское войско, измотанное многочисленными битвами, длинными переходами по раскаленным пескам плоскогорья.

И вот теперь Гарпаг решил, что больше медлить нельзя — настало время переходить на сторону Кира. Он дал знать об этом своим союзникам — участникам заговора, и несколько отрядов, находившихся в резерве, со свежими силами влились в персидское войско. Это решило исход войны. Войско Астиага было разбито, а вскоре и сам царь попал в плен. Персам удалось окружить его лагерь и захватить людей и богатую добычу. Это был конец.

После этого Кир провозгласил себя царем Мидии и Персии и занял престол Астиага. С этих пор

персы владели Мидией; в государстве

стало две столицы — Пасарга-

ды на юге и Экбатана

на севере.

Значительную часть равнины к востоку от Каспийского моря занимают массагеты. Против них задумал идти войною царь Кир. К этому походу у него были многие важные побуждения...

ТОМИРИС — ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА МАССАГЕТОВ

Во весь опор мчались по степи два всадника. Оба в высоких войлочных шапках, за поясом короткие бронзовые мечи. По длинным черным косам можно было догадаться, что один из всадников — девушка.

Степь казалась от ковыля серебристым морем. Дорога совсем заросла буйной травой.

Наконец издалека показалось селение. И всадники сильнее погнали коней.

Высокие длинные стены квадратом охватывают весь поселок, крепость посреди степи. Тяжелые ворота надежно запираются на ночь. Но сейчас день, и все входы открыты.

Всадники промчались под широкими сводами толстых стен и очутились на громадной пустой площади. Жилища находились внутри крепостных стен. Там жили юноша и девушка со своими родными. Впрочем, все массагеты были между собой кровными родственниками. И управляла ими воинственная и мудрая повелительница — Томирис.

К ней и спешили всадники с важным известием.

Царица была в своих покоях, которые почти не отличались по своему убранству от помещений, где жили ее подданные. Только ковры на земляном полу были толще и узоры на них ярче. На подушках, раскиданных у стен, полулежа отдыхала Томирис. Она уже с самого раннего утра объехала на коне все становища массагетов. Она осмотрела, целы ли стада, в каком состоянии табуны, а главное — проверила, насколько подготовлены ее храбрые воины к встрече с врагом. Собственно, специальной армии у массагетов не было. В минуту опасности все мужчины и женщины племени брали оружие и становились воинами. Хотя у массагетов были и пешие отряды, но большинство войска составляли всадники. Еще не научившись ходить, ребенок привыкал к коню. Он совершал далекие путешествия с отцом или матерью, сидя с ними на одном чепраке.

С тех пор как к повелительнице массагетов явились послы Кира, ее не покидало беспокойство. Прошло уже два месяца. Самых знатных придворных отправил персидский царь к Томирис. Нарядные и величественные, предстали перед нею царедворцы персидского властелина и почтиительно склонились перед царицей. Томирис была озадачена посольством персидского царя.

Каково же было ее удивление, когда самый старший из послов выступил вперед и торжественно произнес:

— Мудрая Томирис, царь царей, царь великий Кир, владыка Мидии и Персии, повелитель Вавилона и многих стран на западе и востоке, оказывает тебе великую честь. Дошли до него вести, что умер твой муж и похоронен с подобающими ему почестями. Прослышав о том, решил наш владыка, что нехорошо тебе жить одной. Войди к нему во дворец женой его, и станешь ты персидской царицей. Соединятся ваши владения, твои воины вольются в нашу могущественную армию, и не будет на земле государства сильнее нашего.

И посол замер в ожидании ответа. В душе он не сомневался, что Томирис с радостью даст согласие. Ведь сам великий властелин, царь всех стран, захотел жениться на ней, повелительнице полукочевых племен.

Неожиданное сватовство ошеломило Томирис. Она сразу почувствовала, что у Кира есть тайная цель. Но какая? Соглашаться на его предложение нельзя. Но как ответить послам, чтобы не прогневить персидского царя? Надо выиграть время и обсудить все с сыном, со старейшинами. И Томирис, приподнявшись с ковра, улыбаясь, спросила:

— Разве мало жен у Кира в гареме? И разве нет у него главной жены, матери его сыновей Камбиса и Бардии, наследников престола?

И снова зажурчала вкрадчивая речь персидского царедворца:

— О мудрая властительница, у моего владыки много жен, но нет ни одной, равной тебе. Никто, кроме тебя, воинственная повелительница, не сумеет быть и хозяйкой во дворце, и верной соратницей в походе. Ты будешь главной царицей, а когда у тебя родится сын, он станет наследником персидского престола.

— Вечером вы получите ответ, — ответила Томирис.

И пока послы отдыхали, Томирис созвала совет старейшин. Царица решила обсудить ответ Киру, хотя он был у нее уже готов. Надо отклонить сватовство, отказать могучему персидскому владыке, не бояться его гнева и мести. Сейчас Кир обещает ей все, чтобы она согласилась выйти за него замуж. А потом захватит ее земли и табуны. А ее, гордую, свободолюбивую Томирис, сделает одной из многочисленных жен гарема. Не будет ее сын наследником Кира,

не видеть ему никогда царского трона в Персии. Да и зачем ей другой сын, когда есть у нее свой, родной, любимый.

И царица ласково взглянула на стройного черноглазого юношу, сидевшего среди бородатых старейшин.

Все свои думы поведала Томирис старейшинам. И все, как один, согласились с ее решением.

— Ты права, царица, — поддержал ее самый мудрый и самый старый массагет. — Твой ответ послан тебе богами. Слышали мы, что Кир замышляет поход на Египет. Весь мир задумал подчинить персидский царь. Не так ты нужна ему, госпожа, как наши кони и наши воины. На весь мир славятся отвагой наши воины.

— Ты разгадал намерения Кира, — поддержали старика все присутствующие. — Персидский царь хочет пополнить свое войско нашими храбрыми воинами. Ему нужно обезопасить свою границу. Он боится, что мы отомстим ему за набеги на наши земли, когда все полки Кира уйдут в Египет.

Томирис встала и жестом показала, что хочет говорить.

— Пусть будет так, как я решила. Я скажу послам, что я останусь здесь и по-старому буду управлять своим народом. Массагеты сохранят свою свободу и не подчинятся персидскому царю.

Вечером один из старейшин передал послам решение совета. И рано утром персы со своей свитой отправились в обратный путь, в Пасаргады.

С тех пор Томирис не покидало беспокойство. Она не сомневалась в том, что Кир будет оскорблен ее отказом.

Она была уверена, что персидский царь силой захочет взять то, что не удалось ему получить добром.

Вот почему Томирис несколько не удивилась, когда прибывшие гонцы, перебивая друг друга, стали рассказывать о том, что творится на персидском берегу Яксарта¹.

Они гнали вместе с пастухами табун лошадей до самой реки Яксарт. За ним, к югу от Каспия, начинаются владения персидского царя Кира. Там скопилось несметное число воинов: отряды всадников, пехота, вооруженная луками со стрелами и копьями. Старик пастух из племени массагетов говорил, что персидские воины не зря собрались у нашей границы. Они готовы каждую минуту выступить против массагетов.

¹ Я к с а р т — Сыр-Дарья.

Он направил гонцов к Томирис, чтобы предупредить ее. — Старый пастух приказал нам торопиться, — рассказывал юноша. — День и ночь мы гнали лошадей. Может быть, персы сейчас уже на нашей земле.

— Этого надо было ожидать с того дня, как ускакали послы, — сказала Томирис. — Посмотрим, кто еще победит: Кир со своей разноплеменной армией или вольные массагеты. В войске персов много наемников. Кто им больше дает, за того они и воюют. А у нас все, кто может сидеть на коне и держать в руках лук и копье, будут защищать свою родину, своих детей.

Снова был созван совет старейшин. И Томирис рассказала им о вестях, пришедших с границы. Решили отправить к Киру посла с предложением мира, но продолжать готовиться к войне. Во все станы были посланы гонцы к начальникам отрядов с приказом собрать и вооружить воинов и стануть всю армию к персидской границе.

А в это время Кир готовился к наступлению на массагетов. Для переправы войск через Яксарт необходимо было подготовить мосты и суда. По мостам должны были пройти конница и обоз, для пехоты подготавливали суда с высокими башнями.

Когда Киру доложили о прибытии посла Томирис, приготовления к переправе еще не были закончены. Кир встретил посла на пороге своего шатра, крытого дорогими коврами. Посол был седобородый старик, его сопровождали два молодых воина. Они легко соскочили со своих коней и почтительным, низким поклоном приветствовали персидского властелина. Кир небрежным кивком головы отвечал на приветствие. Персидский царь держался с презрительным высокомерием. Он хотел своим поведением дать понять прибывшим, что по сравнению с ним, властелином мира, какие-то массагеты вместе с их царицей просто ничтожные люди. Но про себя он отметил богатое убранство их одежды. Упряжь лошадей была украшена золотыми бляшками. Золото сверкало на рукоятках мечей, золотыми нашивками усеяны длинные кафтаны всадников. Не было золота только на высоких войлочных шапках и длинных узких штанах всадников. Их обычно носили и мужчины и женщины, как самую удобную одежду для верховой езды.

Кир был поражен обилием золотых украшений. Степные варвары, должно быть, очень богаты, если даже про-

стые воины украшают золотом свое платье и оружие. «Велика будет моя добыча после победы, — подумал Кир. — Всю сокровищницу наполним золотом. Оно понадобится для похода в Египет!»

Кир не сомневался в успехе. Ведь до сих пор он не знал поражений. Ни одна страна не могла ему противиться. Счастье неизменно сопутствовало персидскому царю во всех войнах, боги хранили его жизнь.

Массагеты стояли молча, ожидая, когда царь разрешит им говорить.

— С чем пожаловали ко мне? Может быть, ваша царица изменила свое решение? — усмехнулся Кир. — Слишком поздно...

— Царица велела сказать тебе: перестань, царь Мидии и Персии, готовиться к войне! Остановись, Кир! Царствуй над твоими странами и не мешай нам управлять тем, чем мы владеем по праву.

— Слишком многого хочет ваша царица. Уж не боится ли она, что я силой...

— Не продолжай, царь! — смело прервал Кира старик. — Если ты не желаешь мира, массагеты готовы достойно встретить твоих воинов. Томирис сказала, что мы отойдем на три дня пути от реки, пока ты переправишь свою армию. После этого на нашей земле в открытом бою мы померимся силами. Если же ты хочешь сражаться на своей земле, то вы отступите от реки на такое же расстояние, мы перейдем к вам и встретимся на персидской земле. Так велела сказать тебе наша повелительница Томирис. И мы ждем ответа, — закончил старик.

Молча выслушал Кир старика, затем отпустил посланцев, приказав ждать ответа.

Он собрал совет, чтобы обсудить предложение Томирис.

Между военачальниками разгорелся жаркий спор. Одни считали, что нельзя пускать массагетов через границу. Другие стояли на том, чтобы сражаться на своей земле. Пусть массагеты переправятся через реку и воюют на чужой земле, где все им враждебно.

Кир уже готов был согласиться с этим решением, но тут выступил Крез:

— Тебе во всем сопутствует удача, повелитель, и пока еще не было у тебя проигранных сражений. Но не забывай, Кир, что ты не бог, а только человек. И все поддан-

ные твои тоже люди. Не может быть, чтобы одни и те же люди были счастливы постоянно. Я сам испытал это. И потому мой совет тебе, Кир: будь готов ко всему. Если мы решим допустить неприятеля на нашу землю, массагеты могут выиграть сражение, они устремятся в глубь нашей страны. Если же ты одержишь победу на их земле, тогда тебе легко будет двинуться вперед и владения Томирис окажутся в твоих руках.

Кир внимательно выслушал Креза, но все еще колебался. Крез продолжал настаивать:

— Послушай, властелин, какой нестерпимый позор ожидает тебя, Кира, сына Камбиса, побежденного женщиной на твоей земле. Нам следует перейти реку, продвинуться вперед настолько, насколько враг отступит. И только после этого начать решительный бой на земле массагетов.

— Ты прав, Крез. Я готов следовать твоему совету. Надо сообщить массагетам наше решение. Пусть они известят свою царицу и отступают от реки, как она обещала. А мы будем готовиться к переправе.

Утром персидское войско начало переход через границу, и к вечеру следующего дня оно уже было на земле массагетов. Перед походом Крез дал Киру еще один совет: как заманить массагетов в ловушку.

— Варвары не привыкли к роскоши и обильной вкусной еде. Приготовь угощение, побольше вина и отведи из лагеря все войско в засаду. На месте же оставь небольшую охрану. Поверь мне, что неискушенные варвары набросятся на угощение и выпьют вино. После этого твои воины из засады перебьют их. И победа будет в наших руках.

И на этот раз Кир последовал совету Креза. Он укрыл большую часть войска в засаде, оставив охрану в лагере.

Передовой отряд массагетов во главе с царским сыном Спаргаписом обнаружил лагерь персов и напал на него. После короткого боя персы были обезоружены, большая часть захвачена в плен. У массагетов почти не было потерь. Обрадовавшись легкой победе, они действительно, как предполагал Крез, набросились на угощение и выпили много вина. Опьянев, они легли отдохнуть и крепко уснули. Тогда Кир вывел своих воинов из засады, и спящие массагеты были перебиты, а частью захвачены в плен. Стал пленником и Спаргапис, сын Томирис.

Все произошло так, как задумал Крез. Однако побеж-

дена была лишь небольшая часть войска массагетов. Почти вся их армия осталась невредимой.

Разгневалась Томирис, когда узнала о хитрости Кира. Она отправила к нему вестника и велела передать следующее:

— Кровожадный Кир, не гордись тем, что ты коварно, при помощи вина, овладел моими воинами и моим сыном. Не в честном бою, не в открытом сражении одержал ты победу, и тебе нечего этим хвалиться. В последний раз предупреждаю тебя: верни мне моего сына и уходи из нашей страны. Если ты не сделаешь этого, то, клянусь Солнцем — владыкою массагетов, я отомщу тебе за сына, за гибель моих воинов. И месть моя будет беспощадной. Уходи, пока еще есть время. Никто тебя не звал к нам.

Но Кир только посмеялся над речью посла. Он даже не считал нужным ответить на предложение Томирис. Не смог он отослать ей сына: как только Спаргапис проснулся и увидел, что попал в плен, он умертвил себя.

Тогда Томирис собрала все свое войско и сама повела его против персов.

И началось сражение, одно из самых страшных и жестоких, в котором когда-либо участвовали войска массагетов. Вначале оба войска обстреливали друг друга из луков. Но вот уже не осталось больше стрел в колчанах, и тогда массагеты грозной лавиной налетели на персидские отряды и начали биться врукопашную, пуская в ход копья и мечи. Персы защищались отчаянно. Но лихая конница массагетов кольцом окружила пешие войска и неповоротливых, тяжелооруженных всадников. С каждым разом все яростнее и ожесточеннее налетали массагеты на врагов. Женщины в отваге не уступали мужчинам. Часто они первыми неслись в атаку. Во время одного из сражений ударом меча царь Кир был поражен в самое сердце. Царь замертво упал с лошади. Когда стало известно, что убит царь, персидские воины в панике бежали. Многие полегли на поле сражения.

Так впервые был побежден непобедимый Кир.

Первое и последнее для него поражение

нанесли ему массагеты, вольные жители прикаспийских степей.

Камбис сказал: „Ты, Прекасп, выполнил мое приказание как человек честный. Но кто же из персов этот мятежник, присвоивший себе имя Бардии?“

Много времени прошло с тех пор, как Камбис покинул Пасаргады и пошел со своим войском в Египет. Поход закончился победой. Царь расположился во дворце в Мемфисе, древней столице Египта. Камбиса окружала свита придворных, среди них были младший брат царя — Бардия и Дарий, происходивший из царского рода Ахеменидов.

Но Камбиса не радовали ни блестящие военные успехи, ни шумные празднества во дворце. Он с нетерпением ожидал возвращения послов из Эфиопии.

Не с добрыми намерениями снарядил Камбис это посольство. Царь собирался идти в поход на Эфиопию, хотел покорить все земли вдоль берегов Нила. Гонцы должны были привезти ему подробные сведения об этой стране.

Наконец послы вернулись. Их привели к царю. С низким поклоном приблизились они к повелителю и ожидали, когда он заговорит с ними. Камбис подал знак.

— Что за страна Эфиопия? Чем богата? Кто правит эфиопами? Есть ли у них вооруженные воины?

Старший из послов вышел вперед и склонился перед Камбисом почти до земли.

— Выслушай нас, владыка! Мы расскажем тебе всю правду про царство эфиопов, про все, что мы видели.

— Я жду! — нетерпеливо прервал его Камбис.

— Богата страна эфиопов, — начал старик свой рассказ. — Много золота скрыто в их земле. Правит ими мудрый и проникательный царь. Не поверил он нам, не захотел заключить с тобой союз. Войско у них большое, воины непомерной силы, у каждого огромный лук и колчан со множеством стрел. Царь эфиопов прислал тебе в дар, владыка, вот этот лук и стрелы.

К Камбису приблизился один из послов и опустил у его ног большой лук с тугой тетивой и несколько стрел.

Старший из послов продолжал:

— Царь эфиопов велел передать тебе такие слова: скажи Камбису, он может выступить против нас только тогда, когда его воины смогут владеть этим оружием, как мы. А пока пусть он благодарит богов за то, что у нас нет желания присоединять чужие земли к своим.

Камбиса оскорбило послание эфиопского царя, но в присутствии придворных он ничем не обнаружил своего гнева.

— Так ли уж трудно справиться с оружием этих презренных? Кто хочет натянуть эту безделицу, выходите!

Один за другим выходили воины из царской свиты, но ни одному не удалось натянуть тугую тетиву.

Тогда сам Камбис сошел с трона и взял лук. Тетива не поддавалась. Он опустил оружие и подозрительно огляделся вокруг — не смеются ли над ним?

Все стояли молча, опустив глаза.

Вдруг Бардия подошел к брату:

— Позволь мне натянуть тетиву.

— Возьми! Посмотрим, какой ты сильный! — И Камбис протянул Бардии лук.

Юноша взял лук и без усилия натянул тетиву. Стрела со свистом взвилась вверх и вонзилась в потолок.

Камбис пришел в неистовую ярость. Мальчишка, младший брат, оказался сильнее всех.

В тот же вечер Камбис приказал Бардию возвратиться в Персию: он не хотел больше видеть брата, который превзошел его в искусстве стрелять из лука. Однако Камбис побоялся оставить Бардию в Пасаргадах — столице Персии: вдруг юноша воспользуется отсутствием царя и вздумает захватить власть и объявит себя владыкой всей земли? Поэтому Камбис назначил Бардию правителем одной из самых отдаленных сатрапий.

Бардия уехал и поселился на востоке от Пасаргад, почти у самой границы Персидского государства. Сам же Камбис во главе войска начал спешный поход в Нубию. За короткий срок он не успел сделать всех необходимых приготовлений к далекому пути. Слишком мал был обоз с продовольствием для такого большого войска. Почти весь путь лежал среди песков бесплодной пустыни. По дороге не было никаких селений, где можно было бы пополнить запасы продовольствия. Не успела армия Камбиса пройти и пятой части всего расстояния, как начался голод. Но еще страшнее и мучительнее голода была изнуряющая жажда. Начались болезни. Армия таяла на глазах. Скрепя сердце Камбис решил возвратиться в Египет.

Однажды во время одного из привалов, когда весь лагерь спал, из царского шатра донесся стон. Стражник, стоявший на часах, вздрогнул и прислушался. Стон повторился, перешел в громкий крик. Затем наступила тишина.

Стражник замер в нерешительности. Что делать? Войти

без зова он не смел. А что, если в палатку забрались враги? Он приподнял полог — снова все тихо. Но нет. Камбис беспокойно заметался на постели и, кажется, проснулся. Стражник опустил полог и снова замер, опершись на копье.

Камбис проснулся. Снова этот кошмар, этот страшный сон, который уже третью ночь не дает ему покоя.

Снится ему, будто из Пасаргад примчался к нему в Египет вестник и сообщил, что во дворце творятся необыкновенные дела. На кресло в тронном зале сел брат царя — Бардия. И вдруг кресло стало подниматься вверх, и голова царевича коснулась небес.

Камбис с трудом встал с постели. Лицо его пылало, а руки были холодны как лед. Он весь дрожал от негодования и беспокойства. Что означает сон? Неужели Бардия посмел посягнуть на его трон? И не боги ли посылают вещее предостережение?

Камбис откинул полог шатра и вышел наружу. Звезды побледнели. А на востоке розовела полоса поднимавшейся зари. От Нила потянул свежий предутренний ветерок. Камбис жадно глотал прохладный воздух. Ему стало немного легче. Но беспокойство не покидало Камбиса. Страшный сон не выходил у него из головы. Что готовит ему судьба? Несостоявшиеся походы в Карфаген и Нубию — разве это не показывает, что ему изменило счастье? Беспокоил его и Бардия, которого он отправил домой.

Камбис не знал, что ему предпринять. Его огорчало, что в походе не было толкователей снов. В конце концов Камбис решил, что боги предупреждают его: Бардия хочет захватить трон, воспользовавшись долгим отсутствием царя. Правда, Бардия находится далеко на востоке, в Бактрии¹. Но ведь путь оттуда до Пасаргад ближе, чем от берегов Нила. Кто помешает брату появиться в столице и объявить себя царем? А долгая война с Египтом вызвала уже недовольство в самой Персии и Мидии.

И тогда Камбис решил. Он позвал Прекаспа, самого близкого и верного царедворца, и рассказал ему свой сон. Прекасп согласился с тем, как Камбис его толкует, и тоже считал, что надо обезвредить Бардию, лишить его возможности выступить против старшего брата.

¹ Б а к т р и я — самая восточная область древнего Персидского царства.

Камбис снял с пальца кольцо и отдал его Прекаспу.
— Немедленно отправляйся в Персию. Постарайся тайно проникнуть к брату. Вот тебе мое кольцо. С ним все дороги и все двери будут для тебя открыты. Ты покажешь его брату. Он поймет, что у тебя есть к нему тайное поручение. А потом. . .

Камбис внезапно умолк. Прекасп понял, о чем сейчас думает царь, и ему стало страшно.

— Ничто не должно угрожать моему трону, пока я в Египте,— продолжал Камбис. — Бардию надо убрать. Ты должен выполнить мое поручение как можно осторожнее. Все должно остаться в тайне.

Прекасп побледнел.

— Все будет сделано, как ты желаешь, мой господин.— С этими словами Прекасп вышел из шатра.

Утром он отправился в Персию.

Камбис вместе с войском наконец прибыл в Египет и ожидал там возвращения Прекаспа.

Долго путь из Египта в Персию. Более трех месяцев ехал Прекасп в сопровождении слуги. Никто не должен был заподозрить в нем царского гонца. Наконец они добрались до Персии. Велико было искушение Прекаспа заехать в Пасаргады, повидаться с родными. Но никто не должен был знать о его появлении в Персии. И Прекасп, минуя столицу, проехал прямо в Бактрию. Конец пути был уже близок. Именно поэтому требовалась особая осторожность. Слугу он отпустил уже давно. День сменялся ночью, а Прекасп все еще находился в дороге. . .

Однажды вечером Прекасп заехал в селение, откуда до Зарасы¹, города, где находился Бардия, было уже совсем близко. Прекасп не хотел ночью въезжать в город. Он постучался в дом на краю селения и попросил разрешения переночевать. Хозяева охотно пустили его. Нельзя отказать путнику в приюте, когда ночь близка. По дорогам бродят разбойники: грабят и убивают. Ночью выходят злые духи и мстительные боги, и горе тому, кто встретит их на своем пути.

Прекасп спал во дворе под навесом около сарая. На рассвете он исчез, даже не простившись с гостеприимными хозяевами. Он шел пешком, так как коня оставил привя-

¹ З а р а с а — резиденция правителя.

занным во дворе. Ему казалось, что пешеход обращает на себя меньше внимания, чем всадник.

К утру Прекасп подошел к воротам Зараспы. Он показал страже царский перстень с печатью Камбиса и без препятствий вошел в город. Кольцо помогло Прекаспу легко проникнуть и в дом Бардии. Было очень рано, никто, кроме слуг, еще не вставал.

Прекасп проник в спальню Бардии. Царевич спал. Прекасп слегка прикоснулся к его плечу. Бардия открыл глаза.

— Прекасп? — удивился он. — Откуда ты явился? Как ты очутился у меня?

— Тсс... — прошептал Прекасп и приложил палец к губам. — Никто не должен знать, что я здесь. Камбис прислал меня с тайным поручением к тебе.

— Говори, Прекасп.

— Не здесь. У стен тоже есть уши.

— Тогда пойдем туда, где нет никого. Может быть, в сад?

— Нет, лучше всего в лес. Сделаем вид, что идем на охоту. Ведь всем известно, что охота — твое любимое занятие.

Не теряя времени Бардия оделся, выбрал два больших лука и колчаны, наполненные стрелами. Затем Бардия кликнул конюшого и велел оседлать двух лошадей. Бардия нередко выезжал на охоту задолго до рассвета. Поэтому сейчас никого не удивил такой ранний выезд.

В лесу было тихо. Сквозь густую листву слабо проникали косые лучи утреннего солнца. Было прохладно и сумрачно. Охотники по большой дороге проехали опушку, затем свернули на тропинку и углубились в гущу.

— Остановимся здесь? — спросил Бардия.

— Нет, проедем еще немного вперед.

Тропинка стала незаметной. Всадников со всех сторон обступили деревья, ветки кустарников загораживали путь.

— Дальше ехать рядом невозможно. Остановимся, — опять повторил Бардия.

— Еще немного. Следуй вперед. Я за тобой...

Двинулись дальше. Лошади медленно шли, ветки кустарников хлестали их по ногам. Впереди посветлело. Вдали показался овраг. Наконец Прекасп решил. Он снял лук и прицелился. Стрела попала в сонную артерию. Бардия, не успев даже вскрикнуть, замертво свалился с коня.

Прекасп спешил, привязал коней к деревьям, поднял

безжизненное тело Бардии и спустился в овраг. В рыхлой земле, размытой ручьем, он выкопал яму и похоронил убитого.

Прекасп вернулся к лошадям, привязал коня Бардии к своему седлу и выехал из леса. У опушки он повернул на большую дорогу и пустился в обратный путь.

Прекасп возвращался в Египет, где его с нетерпением ожидал Камбис.

Отсутствие Бардии в Зараспе вначале никого не беспокоило. Ему не раз случалось подолгу пропадать на охоте.

Первым обратил внимание на исчезновение царевича мидянин Патизейт, которого Камбис оставил в Пасаргадах смотреть за порядком во дворце. Патизейт случайно оказался в Зараспе, когда туда приехал Прекасп. Он видел издали, как Бардия вместе с каким-то человеком отправился на охоту. Незнакомец был так просто одет, что Патизейт не мог заподозрить в нем видного царедворца.

Прошло несколько дней, а Бардия все не возвращался. Патизейт начал сомневаться, действительно ли царевич на охоте. Не попал ли он в ловушку? Патизейт все вспоминал знакомого, сопровождавшего царевича. Лица его он не разглядел: слишком низко на глаза была надвинута шапка. Но его фигура, походка, манера держаться казались очень знакомыми. Где Патизейт мог видеть его? Он мучительно старался припомнить, кто бы это мог быть. Ясно было одно — это человек, которого он часто видел во дворце, значит, один из приближенных Камбиса. Кто знает, что произошло на охоте. Но если этот человек погубил Бардию, то он несомненно был подослан царем. И тогда...

Патизейт отыскал стражника, который впустил знакомого во дворец. Он начал упрекать его, но воин ответил, что он вынужден был пропустить незнакомого человека, так как тот показал перстень с царской печатью. Еще больше утвердился Патизейт в своих подозрениях. И он решил отправиться в лес.

Следы копыт двух лошадей, обломанные ветки кустов привели его к тому месту, где произошло убийство. Земля здесь была взрыта конями, привязанными к деревьям, след от ремней остался и на коре. Дальше было видно, как по земле тащили тело. А затем убийца, видимо, взял тело на руки и понес вниз, тяжело ступая с грузной ношей. Следы его ног глубоко вошли в рыхлую землю. А вот и едва за-

метный холмик, затоптанный ногами и еще не успевший зарости травой.

Патизейт отломал большой сук и стал раскапывать землю. Убитый лежал неглубоко. Из-под небольшого слоя земли показалась сначала одежда Бардии, затем голова. Патизейт быстро забросал могилу землей. Он не мог решить, что же делать дальше. Объявить об убийстве царевича и искать преступника? Но, судя по всему, это сделано по приказу самого Камбиса. Он боялся, что Бардия захватит престол. Ведь всем хорошо известно, как ненавидит народ деспота. Все взрослые мужчины состояли в войске и сопровождали Камбиса в его далеких и безумных походах, куда он шел добывать себе золото и славу. А все население покоренных стран несло на своих плечах тяжесть податей и повинностей. И даже в Мидии, где влияние Камбиса было слабее, чем всюду, народ хотел избавиться от персидского ига. Это Патизейт, сам мидянин, знал очень хорошо.

И вдруг дерзкая мысль пришла Патизейту на ум. Его младший брат Гаумата поразительно похож на Бардию. Когда они стояли рядом в одинаковых одеждах, даже близкие люди не могли узнать, кто из них царевич, а кто брат царедворца. Бардия убит тайно, никто об этом не знает. Так пусть же это и останется тайной. А Гаумата станет Бардией. Его надо объявить царем Персии, и весь народ с радостью поддержит его. Камбис далеко. Пока он явится сюда со своим войском, Гаумата успеет завоевать любовь и доверие всего народа. Он отменит жестокие законы Камбиса, освободит Мидию от всех повинностей, уменьшит налоги в подвластных странах. И тогда посмотрим, кто будет победителем — ненавидимый всеми Камбис или Бардия-Гаумата. Камбис не посмеет сознаться в убийстве брата. И персидское войско, поверив Лжебардии, вероятно, тоже перейдет на сторону самозванца.

«Да, именно так и следует поступить», — сказал сам себе Патизейт.

И мысль, показавшаяся вначале слишком дерзкой, вдруг сделалась простой и вполне осуществимой.

Не теряя времени Патизейт выехал из леса, вернулся в Зараспу и немедленно отправился в Пасаргады.

Он не долго уговаривал брата. Гаумата быстро согласился назваться Бардией и объявить себя царем Персии и всех подвластных ей владений.

По всей стране были разосланы всадники. Они приезжали в столицы сатрапий, во все большие города и собирали на площадях народ. Они объявляли во всеуслышание о том, что на престол вступил новый властелин Персии — сын Кира Бардия. Он освободит всех от жестокого Камбиса и облегчит участь народа. По всем войскам был отдан приказ отныне повиноваться Бардии, законному наследнику персидского престола, и не считать Камбиса царем.

С этим известием глашатай пришел в войско самого Камбиса. Царь в это время находился в Сирии, где сделал остановку по пути из Египта в Персию.

Услышав речь глашатая, Камбис впал в ярость. Он позвал Прекаспа и обрушил на него свой гнев:

— Так ты, Прекасп, выполнил царское поручение! Слышал вести из Персии? Бардия объявил себя царем!

— Неправда, владыка, что брат твой восстал против тебя, — отвечал царедворец. — Это невозможно. Ведь я исполнил слово, данное тебе, и сам, своими руками похоронил его в лесу. Пошли за глашатаем и спроси его, кто дал ему приказ провозгласить царем Бардию и видел ли он царевича своими глазами.

Камбис велел привести глашатая. За ним послали погоню и привели к царю. Прекасп спросил его:

— Ты явился вестником от Бардии, сына Кира. Кто дал тебе приказ объявлять его повсюду царем Персии: он сам или кто-нибудь из его слуг? Скажи правду, и тебя отпустят.

— Бардию я не видел с тех пор, как он уехал в Египет. Это приказание дал мне человек, которого Камбис оставил правителем дворца в Пасаргадах.

Глашатая отпустили. Глубоко задумался Камбис.

— Я верю тебе, Прекасп, что ты не обманываешь меня. Но кто же посмел назваться именем моего брата и восстать против меня?

— Мне кажется, владыка, я догадываюсь, кто это сделал. Восстали против тебя мидяне — Патизейт и его брат Гаумата, похожий лицом на Бардию.

— Постой, Прекасп, кажется, ты прав. Наверно, все произошло именно так, как ты думаешь. Напрасно я поверил в свой сон и погубил брата. Он никогда бы не посягнул на мой престол.

И Камбис зарыдал. Теперь нужно скорее возвращаться домой и начать войну с самозванцем.

Когда войско уже было готово двинуться в путь, Камбис вскочил на коня, чтобы идти впереди своей армии. Но от неловкого движения меч зацепился за седло, отвалился конец ножен, и острое лезвие вонзилось в бедро всадника. Обливаясь кровью, Камбис упал с лошади и потерял сознание.

Рана оказалась смертельной. Двадцать дней лежал Камбис, страдая от воспаления и гангрены. Никакие лекарства ему не помогали. Чувствуя приближение смерти, Камбис велел позвать всех знатных персов.

Почтительно стояли придворные у постели умирающего царя и слушали его завещание. Слабеющим голосом говорил Камбис:

— У меня было страшное видение во сне. Теперь я понимаю, что его послали мне не боги, а злые духи. И я приказал погубить брата. А теперь под именем Бардии на престоле самозванец, мидянин. Именем всех богов я требую от вас, особенно от тех, кто из рода Ахеменидов, не допустить, чтобы снова власть вернулась к мидянам. Если они завладели ею хитростью, то вам следует хитростью ее отнять. Если же они захватили власть силой, то силой и оружием вы обязаны добыть ее обратно.

И Камбис заплакал. Увидев плачущего царя, персы разорвали в знак печали свои одежды и обещали исполнить его волю.

К вечеру Камбис скончался. Царствовал он семь лет и пять месяцев. И не было у него ни сына-наследника, ни дочерей.

Но персы все же не поверили Камбису. Им казалось, что он придумал убийство Бардии, чтобы восстановить всех против нового царя. А Прекасп не сознавался в злодеянии, которое он совершил по повелению Камбиса. Ведь Камбиса больше не было, и некому было его защищать от гнева народа.

После смерти Камбиса Гаумата спокойно царствовал восемь месяцев. За это время он сделал много добра своим подданным. Все его очень любили. Только знатные персы были недовольны самозванцем: им не нравилось, что он заботился о благе народа, а персидских придворных отстранил от управления царством.

1 том, кого назна-
чить царем, заговорщики решили:
на восходе они сядут верхом на
коней, и чей конь заржет первым,
тому и быть царем...

СЕМЬ ЗНАТНЫХ ЗАГОВОРЩИКОВ

Гаумата под именем Бардии правил Персидским царством. Все считали его законным царем, сыном Кира и братом Камбиса.

Молодой царь не думал о завоеваниях. Он разослал по всем областям указ об отмене военной службы, чем обрадовал весь народ. Всем давно уже были в тягость непрерывные походы и войны. Только знатные персы негодовали за это на Гаумату, которого они считали Бардией. Ведь после каждой войны они получали большие доходы от награбленных сокровищ в покоренных странах.

Но Гаумата не обращал на это внимания. Он старался завоевать любовь народа и на три года освободил всех от податей. И подданные облегченно вздохнули.

Это тоже не нравилось персам, принадлежавшим к старым, знатым родам. Но, пожалуй, больше всего ненавидели они молодого царя за то, что он окружил себя новыми придворными и не считался с желаниями старых. А Гаумата и Патизейт, опасаясь, как бы их обман не открылся, удалили из дворца тех людей, которые хорошо знали Бардию.

Не раз собирались знатные персы, приближенные Кира и Камбиса, чтобы пожаловаться друг другу на молодого властелина. Не может быть, чтобы настоящий перс, царь из дома Ахеменидов, поступал таким образом. И не раз то у одного, то у другого мелькала мысль: да действительно, Бардия ли это? Не самозванец ли сидит на царском троне? «И не сказал ли правду перед смертью Камбис о том, что он убил младшего брата?» — вспоминали те, кто слышал последнее признание умирающего Камбиса.

Многое казалось подозрительным в поведении молодого царя. Он стал нелюдимым. Чуждался тех, кто прежде был ему близок. Отправлял в города далеких провинций тех, кто хорошо знал его раньше. Живой и общительный, он стал молчаливым и не любил вспоминать о прошлом. Он так был занят государственными делами, что редко заходил на женскую половину дворца.

Так прошло восемь месяцев.

Подозрения усиливались. Знатные персы все больше укреплялись в своих сомнениях. И вот один из них, Отана, решил, что пора узнать правду. Его дочь Феди́ма была женой Бардии. Она, конечно, сразу узнала в Гаумате само-

званца, хотя и видела его очень редко. Но Федима боялась говорить об этом, так как весь народ верил, что он подлинный царь. Молчали об этом и ее приближенные, опасаясь царского гнева.

Даже отцу ничего не сказала Федима, так как виделась с ним только в присутствии Гауматы.

Но однажды Гаумата отлучился из Суз¹ — он уехал в горы. Тогда Отана воспользовался его отсутствием. Он подкупил служанку Феди́мы и поздно вечером проник к дочери в спальню. Здесь в первый раз после воцарения Гауматы они были одни. И тогда, уступив настояниям отца, Федима открыла ему тайну.

Настоящего Бардии больше нет в живых. На царском троне сидит мидянин Гаумата, похожий лицом на ее убитого мужа.

Взбешенный этим рассказом, Отана ушел от дочери и решил, что наступило время действовать. Не пристало персам подчиняться какому-то мидийскому самозванцу. Слишком много заботы проявляет он о своих простых соплеменниках, а знатных персов он отстранил от управления государством, они теряют власть, теряют свои богатства.

И Отана стал душою заговора.

Он посвятил в свои планы только пять человек, которые занимали большие должности еще при Кире. Они принадлежали к знатым родам. Это были: Интафе́рн, Гобри́й, Мегаби́з, Аспати́н и Гида́рн.

Заговорщики строго хранили тайну. Больше всего они боялись, как бы народ не узнал об их замыслах. Простые люди любили Гаумату, и им не было дела до того, настоящий или ненастоящий он сын Кира.

Как раз в это время в Сузы приехал Дарий. Это было не случайно. Дарий запомнил слова умирающего Камбиса: «Именем царских богов я требую от вас, особенно Ахеменидов, не допустить, чтобы власть была в руках самозванца».

Никто из присутствующих тогда не поверил царю, что он приказал убить брата, не поверили и тому, что на престоле в Персии сидит самозванец. Усомнился в этом и Дарий. Но все же смутные подозрения не покидали его: а вдруг Камбис сказал правду?

После возвращения в Персию подозрения эти еще уси-

¹ С у з ы — столица одной из сатрапий Персидского царства.

лились. Бардия, прежде любивший Дария, избегал встреч с ним. Рассказы о том, как изменился характер молодого царя, что он окружил себя мидянами, раздает им богатые подарки, а персидскую знать отстранил от всяких дел, подтверждали слова Камбиса.

Честолюбивый Дарий всегда стремился к власти. Он завидовал даже своему другу Бардии, наследнику Камбиса. Теперь, если на троне действительно сидит самозванец, он, Дарий, больше всех имеет право на престол. Правда, по персидским законам любой человек знатного рода может стать царем. Но Дарий считал, что у него на это больше прав, чем у других: он происходил из царского рода Ахеменидов, был ближайшим родственником Кира и Камбиса.

Дарий выжидал, пока не откроется обман. Народ верит царю, любит его, — бороться с самозванцем сейчас было опасно.

Когда до Дария дошли слухи из Суз о недовольстве знати царем, он решил, что пора действовать. Иначе он проиграет все — переворот совершат без него, власть захватит один из участников этого заговора. Вот почему Дарий неожиданно появился в Сузах.

Отана приветствовал Дария:

— Благославлен твой приезд, Дарий! Ты явился вовремя. Я жду тебя сегодня вечером. Не сообщай никому, куда идешь.

— Благодарю тебя за добрые слова! — ответил Дарий. — Мы будем одни?

— Нет, будут еще люди. Ты всех знаешь.

Дарию стало ясно, что это таинственное приглашение на совещание с заговорщиками. Наконец наступил момент, которого он так долго ждал. Надо только уметь им воспользоваться. Пусть действуют другие, а он будет наблюдать за их поступками и давать указания. А потом он любой ценой, любыми средствами добьется власти — обманом, хитростью, подкупом. . . Для этой цели все приемы хороши.

Поздним вечером заговорщики собрались у Отаны в одной из отдаленных комнат его дома. Слуги уже спали, и никто не видел, как хозяин впускал их по одному в свои покои.

Когда все были в сборе, начали обсуждать, как убрать самозванца. У шестерых заговорщиков не было никакого плана. Тогда выступил Дарий:

— Я думал, что только я владею тайной гибели настоящего сына Кира. Поэтому я торопился сюда. Но раз вам уже все известно, не будем медлить. Надо действовать.

Отана покачал головой:

— Мы хорошо знаем тебя, Дарий, и не сомневаемся в твоём мужестве. Но я думаю, не следует поступать опрометчиво. Нас слишком мало, чтобы выполнить то, что мы задумали. Нужно к этому привлечь побольше людей.

Дарий не сдержался и прервал Отану:

— Знайте же: если вы последуете совету Отаны, то погибнете. Чем больше людей будет участвовать в заговоре, тем большая грозит нам опасность. Ведь всегда может найтись кто-либо, кто из выгоды предаст нас. Надо действовать немедленно. Долго сохранять тайну нам не удастся.

— Если ты так торопишь нас, то объясни, как мы сможем проникнуть во дворец к самозванцу.

— Нас слишком хорошо знает дворцовая стража, и она не посмеет нас задержать. Кроме того, у меня есть хороший предлог прийти к самозванцу. Я только что прибыл из Пасаргад и могу сказать, что привез ему из столицы важные известия.

Отана замялся:

— Все хорошо в твоём плане. Только не нравится мне, что мы будем лгать. . .

И снова выступил Дарий:

— Где ложь нужна, там следует лгать. Ведь цель правды и лжи одна и та же. Одни лгут, чтобы убедить ложью и извлечь пользу. Другие говорят правду, чтобы вызвать к себе доверие и получить от этого выгоду. Таким образом, мы преследуем одну цель разными средствами.

— Дарий прав, — поддержал его Гобрий. — Когда еще нам представится более удобный случай? вспомните, что сказал нам Камбис, умирая: если самозванец добыл власть хитростью, то вы хитростью отберите ее. Послушаем Дария: прямо отсюда надо идти во дворец и уничтожить самозванца.

Все согласились.

— Итак, за мной, — поднял руку Дарий. — Тех привратников, которые нас свободно пропустят, мы впоследствии наградим. А тот, кто нас будет задерживать, поплатится за это.

Заговорщики взяли мечи и вышли на улицу. Они направились во дворец.

У ворот все произошло так, как предполагал Дарий. Стража, узнав царедворцев, почтительно пропустила их. Во дворе их пытались задержать слуги, но Гобрий и Мегабиз сильным ударом отшвырнули их, и все семеро без помехи прошли во дворец на мужскую половину. Гаумата с братом находились там. На крик слуги они бросились во двор. Но, увидев входящих персов, поняли всё и схватились за оружие. У Гауматы был лук, у Патизейта — копье. Началась схватка. Аспатин был ранен ударом копья в бедро, Интаферн потерял глаз. Гобрий напал на Гаумату, тот отчаянно отбивался. Дарий стоял рядом. В комнате было темно.

— Чего ты стоишь? — крикнул Гобрий.

— Я боюсь в темноте попасть в тебя, — отвечал Дарий.

— Бей мечом!

Дарий размахнулся и сильным ударом сразил Гаумату. Гобрий остался невредим.

А в это время Отана и Мегабиз расправились с Патизейтом.

Так были убиты оба брата, и власть снова перешла к персам.

Но теперь нужно было решить, кто будет править государством.

Снова собрались семь персидских мужей, на этот раз уже открыто, не таясь ни от кого.

Первым встал Отана:

— Я думаю, что никто из нас один не может управлять царством. Вспомните, как много мы терпели от своеволия и жестокости Камбиса. Он поступал как хотел. Казнил без суда, назначал на высокие посты тех, кто ему угождал. Лучше всего, если править будет народное собрание. На различные должности будем назначать по жребию.

Тогда поднялся со своего места Мегабиз и возразил Отане:

— Что хорошего видишь ты в том, что страной будет управлять своевольная толпа? Разве можно доверить этим ничтожным людям решать государственные дела! Надо выбрать из знатных персов нескольких достойных, составить из них совет и вручить ему власть в стране. Конечно, все мы тоже войдем в этот совет.

Третьим стал говорить Дарий:

— Мегабиз правильно сказал: незачем черни управлять страной, но передать власть небольшому совету тоже неразумно. Когда несколько человек стоят во главе государства, между ними не может быть согласия. Каждый захочет поставить себя выше других. Начнется борьба и междоусобицы. И так будет до тех пор, пока кто-нибудь один не захватит власть. Так не лучше ли сразу поставить одного царя? Вспомните, кто освободил нас от рабства и дал свободу. Это был не народ, не совет, а Кир — царь царей, царь всех стран. Так давайте же и мы установим единовластие.

Остальные поддержали Дария.

Но кому быть царем?

Все семеро принадлежали к знатным родам, и каждый из них имел на это право. Тогда еще раз поднялся Отана.

— Я не желаю ни царствовать, ни подчиняться, — заявил он и удалился.

Оставшиеся еще долго обсуждали, как бросить жребий. Наконец они порешили: при восходе солнца все шестеро сядут на коней и, чья лошадь заржет первая, тот и будет царем.

На следующий день были назначены состязания.

Дарий вернулся домой и велел конюху Ойбару приготовить наутро коня.

— Если мой конь заржет первым, я буду царем, — сказал ему Дарий.

— Я знаю, как это сделать, господин, — ответил Ойбар.

— Так действуй немедленно, и я награжу тебя! — С этими словами Дарий ушел.

Утром за воротами города собрались шестеро персов. Лошади были наготове, конюхи держали их за поводья. Как только на востоке показалось солнце, персы вскочили на коней, конюхи отпустили поводья. При этом Ойбар незаметно поднес руку к носу коня. Предварительно он намазал ее душистым маслом, запах которого раздражал жеребца. Он фыркнул и громко заржал.

Тогда все пятеро персов сошли с коней и приветствовали нового царя.

Таким образом, благодаря хитрости Ойбара Дарий стал царем Персии. В Азии ему были подчинены все на-

роды, завоеванные Киром, в Африке — Египет, покоренный Камбисом. Но народ не захотел признать власть Дария. Целый год воевал Дарий с повстанцами, жестоко наказывал непокорных.

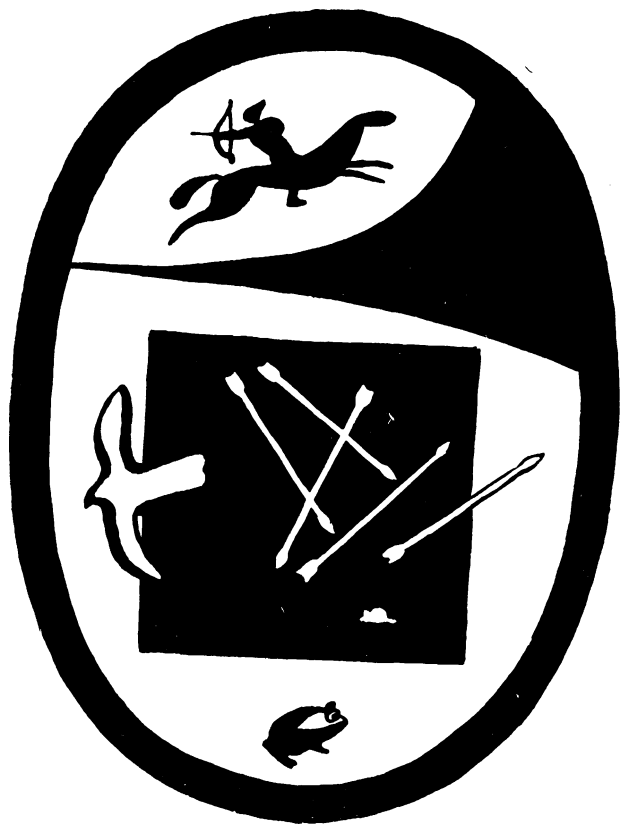
И в честь одержанной победы он на большой проезжей дороге из Экбатаны в Сузы воздвиг огромный памятник. На отвесной скале укрепили рельеф с изображением

Дария и подвластных ему правителей.

Вокруг была сделана надпись,

где перечислялись по-

двиги властелина.

Скифские цари отправили к Дарию гонца с подарками, состоящими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел... При этом гонец предложил самим персам, если они догадливы, уяснить себе значение полученных в дар предметов...

НЕУЛОВИМЫЕ СКИФЫ

Каждый день приходили тревожные слухи. Вернулись люди из Борисфенского¹ торжища, куда они возили на продажу пшеницу, мед, звериные шкуры; рассказывали, что персидский царь Дарий построил мост через Боспорский пролив, что его конница и пехота уже начали переправу.

— Персы покоряют все земли, которые встречают на своем пути, — передавали другие.

К вождю скифов-кочевников явились жители Тавриды² и сообщили ему страшные вести:

— Персидский флот вышел в Понт Эвксинский³. Наши рыбаки видели персидские суда. Идет по морю великое множество кораблей. Они держат путь на запад, к устью реки Истра⁴.

С каждым днем известия были все тревожнее. Вести в степи распространяются быстро. День и ночь спешат всадники из одного стана в другой, передают из уст в уста, что слышали.

— Царь Дарий двинул в Скифию огромное войско!

— Персы хотят покорить свободных скифов и обложить их данью.

— Весь мир хочет подчинить себе персидский властелин.

— Не будет пощады скифам — Дарий решил отомстить за набеги на Мидийское царство.

И вот уже появились первые скифы — беглецы из приморских городов Понта Эвксинского, с берегов реки Гипаниса⁵. Они побросали свои дома, сожгли посевы, вытоптали огороды, угнали скот. На восток, в степи Борисфена и Танаиса⁶, лежит их путь. Они не знают, что их ожидает, но каждый предпочитает голодную смерть рабству.

День и ночь скрипят колеса повозок. В войлочных кибитках женщины, дети, старики. Мужчины и юноши сопровождают их верхом на степных лошадях. Пастухи угоняют стада, врагам ничего не должно достаться. Все колодцы

¹ Борисфен — Днепр.

² Таврида — Крымский полуостров.

³ Понт Эвксинский — Черное море.

⁴ Истра — Дунай.

⁵ Гипанис — Буг.

⁶ Танаис — Дон.

в степи засыпают землей, чтобы негде было напиться ненавистным чужеземцам.

Нет, не смогут скифы сломить могущество несметных персидских полчищ, если все племена не объединятся. Надо собраться вождям всех скифов и договориться, как действовать в войне с Дарием.

Идантирс, вождь кочевых скифов, жителей степей между Борисфеном и Танаисом, был очень обеспокоен слухами о нашествии персов. Он велел прислать ему лучших наездников, оседлать для них самых выносливых и быстроходных коней. Во все концы земель скифских решил Идантирс отправить гонцов за вождями племен, чтобы держать всем вместе совет.

На север, юг, запад, восток помчались гонцы Идантирса ко всем скифским племенам с известием, что персидский царь построил мост на шее Боспора, переправил свои полчища к берегам Истра. Все народы на своем пути покорил перс, а теперь собирается перейти через Истр и захватить земли скифов.

Прошло несколько дней. К Идантирсу начали съезжаться вожди и военачальники племен. Наконец собрались все. В кибитке Идантирса были разостланы войлочные кошмы. Приготовлено угощение — кувшины с холодным молоком и густым пенистым кумысом, на больших блюдах — куски жареного мяса, сыр из овечьего и кобыльего молока, горы вяленых овощей. Только вина не было среди всех яств — ведь скифы не портят его, разбавляя водой, как делают греки. От крепкого скифского вина легко можно захмелеть, и тогда невозможно будет решать серьезные дела, о которых хотел говорить Идантирс.

После долгого пути все проголодались. Брали мясо и овощи руками. Ели молча. Наконец все насытились, вытерли жирные руки кто о штаны, кто о полы коротких кафтанов. Некоторые еще допивали из кованных серебряных кубков прохладный кумыс.

Идантирс встал и в наступившей тишине обратился к вождям:

— Всем известно, что нам грозит опасность от страшного и жестокого врага. Нам надо объединиться и вместе встретить непрошенных гостей. Если мы все не будем помогать друг другу, то придется либо покинуть нашу страну, либо покориться персам.

Идантирс умолк и обвел взглядом всех сидевших вокруг него, точно он ожидал ответа на свои слова. Все молчали.

Тогда Идантирс продолжал:

— Сначала персы нападут на нас. Если же все племена скифов не окажут нам помощь, то впоследствии им самим будет плохо. Персидский царь хочет покорить весь мир, он захватит все земли скифов. Решайте же, что будем делать.

Выслушали вожди речь Идантирса и стали совещаться, но не смогли они договориться. Не было у них согласия. Правители неэров, меланхленов и тавров отказались воевать с персами.

— Мы никакой обиды не причинили персидскому царю, — сказали они. — Это вы когда-то напали на Мидию, и Дарий мстит вам за это. А нас он не тронет.

— Персидская армия потонет в наших болотах и заблудится в наших лесах, — сказал вождь неэров.

— Не доберется Дарий до нашей земли, — поддержали его меланхлены. — Далеко от Понта Эвксинского до истоков Танаиса.

— Нам не страшны персы, — заявил царь тавров. — Такая армия не может перебраться через узкий перешеек.

Только савроматы, будины и гелоны обещали Идантирсу свою помощь.

Уехали тавры, меланхлены и неэры. А савроматы, будины и гелоны остались, чтобы договориться с Идантирсом, как готовиться к войне.

Они разделили все войско на три части. Начальником одного отряда назначили Скопаса, к нему присоединились воины савроматов. Вторым отрядом, куда входили также будины и гелоны, командовал Таксак. Самое большое войско было у Идантирса. Ему же подчинялись и два других военачальника.

И все же слишком мало было воинов у скифов, чтобы вступить в борьбу с персами. Поэтому они постановили не давать настоящего открытого сражения, решили отступать со своими стадами, засыпать попадающиеся на пути колодцы и источники, истреблять всю растительность.

Скопас должен был заманить персов к берегам Танаиса, идя вдоль озера Меотыда¹. И только в том случае, если персы побегут, преследовать их.

¹ Меотыда — Азовское море.

Отряды Идантирса и Таксака уходили на север, так чтобы между ними и войском Дария всегда было расстояние в один день пути.

Отступающие отряды должны были вторгнуться в земли невров и меланхленов и увлечь за собой персидские войска. Тогда и этим племенам тоже придется принять участие в войне и выступить против Дария, хотя они и отказались это сделать. Соединенными силами смогут они разбить врага и освободить свои владения.

Скифы готовились встретить врага. Всех женщин, детей и стариков они отправили на север. Туда потянулась бесконечная вереница кибиток. За ними гнали многочисленные стада. Идантирс оставил себе такое количество быков, какое необходимо было для питания войска.

Каждый воин находился в полном боевом снаряжении. Не слишком длинные, ниже колен, штаны, удобные для верховой езды. Поверх короткого кафтана надет панцирь, обшитый металлическими чешуйками, на голове острококонный башлык. Оружие состояло из меча-акинэка, торчащего за поясом, копья и дротика, лука и колчана, наполненного стрелами. Страшны врагам скифские стрелы с острыми трехгранными наконечниками из бронзы. Каждая такая стрела несет гибель врагу. А чтобы меч всегда был острым, у воина за поясом точильный камень. Но сила скифских бойцов не только в оружии. Они сильны дружкой, помогают друг другу в бою и в походе. Многие перед боем становились названными братьями — побратимами.

Это был торжественный обряд. В большую глиняную чашу наливали вино, вокруг садились самые уважаемые люди племени. Приходили скифы, заключающие братский союз, вдвоем или втроем. Каждый делал у себя на теле надрез или укол шилом, и капли крови стекали в вино. Туда же опускали меч, стрелы, копье. После этого все присутствующие долго молились, а затем пили из чаши вино, смешанное с кровью. Этот обряд связывал названных братьев крепкой дружкой.

Так готовились к встрече врагов скифские боевые отряды. . .

К этому времени персидская пехота и конница уже переправились через Боспор. А флот, в котором было немало искусных мореходов Эллады, уже достиг устья Истра, в том месте, где река пятью потоками впадает в Понт

Эвксинский. Здесь через самый большой проток Дарий приказал навести мост, чтобы переправить сухопутные войска на другой берег Истра.

Переход по морю закончился удачно. Море было спокойно; казалось, Понт Эвксинский оправдывал свое название — «Гостеприимное море»: спокойным оно бывало редко. Множество судов стало жертвой его волн. Правильнее было бы назвать это море «Понт Аксинский» — «Негостеприимное море». Но греки считали, что море нужно задобрить, поэтому вместо плохого имени дали ему хорошее.

Высадившись на берег, воины немедленно принялись наводить мост, как приказал Дарий. Тем временем персидский царь шел во главе сухопутного войска, через земли греков. И там, где ступала его нога, земля становилась персидской, а жители делались подданными царя Дария. Львиная доля доходов и имущества шла в персидскую казну как дань. Одни подчинялись Дарию без боя; тех, кто пытался сопротивляться, персидский царь покорял силой.

Несколько раз по дороге Дарий останавливался и приказывал разбить лагерь, чтобы дать отдых войску. Обычно он выбирал для этого равнину на берегу реки. Последний привал был сделан около небольшой реки, вода которой была так вкусна, что Дарий приказал поставить столб на том месте, где ночевал, и сделать такую надпись:

«Из числа всех рек источники этой реки доставляют приятнейшую и здоровейшую воду. К ним пришел во главе войска самый доблестный и самый прекрасный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, владыка персов и всей земли».

У следующей реки войска не делали привала. Но Дарий повелел, чтобы каждый воин, переходя реку, положил на берегу по одному камню, — пусть все видят, как велико царское войско. Воины исполнили приказ. Поэтому, когда они ушли, на берегу остались огромные горы камней. Так многочисленна была армия персидского владыки.

Наконец войска подошли к Истру. Мост был готов, и после короткого отдыха началась переправа. Когда последний воин достиг другого берега, Дарий приказал греческому отряду разрушить мост.

— Я покорю скифов, — сказал Дарий, — и вернусь в Персию другим путем, по восточному берегу Понта Эвксинского. Мост больше не нужен мне.

Греки, которые строили этот мост, уже взяли топоры и

приготовились рубить столбы и перекрытия. Но тут предводитель одного из отрядов строителей, Кой, сделал знак, чтобы мост не трогали, и подошел к Дарию.

Низко поклонился Кой властелину и почтительно сказал:

— Царь, выслушай меня. Ты идешь в страну, где не увидишь ни вспаханного поля, ни населенного города. Никто не знает, что ждет тебя впереди. Скифы кочуют по степи; я не боюсь, что они нанесут тебе поражение, я боюсь, что тебе не с кем будет сражаться. Оставь нас сторожить мост, тогда обратная дорога будет обеспечена твоему войску.

Дарий терпеливо выслушал Коя, хотя был удивлен, что тот осмелился возражать царю. Еще раз поклонился грек и закончил свою речь такими словами:

— Пусть владыка не думает, что я не хочу следовать за ним в чужую страну и думаю только о том, чтобы остаться на берегу Истра. Я забочусь о твоём благе, царь вселенной.

Дарию понравились смелые речи Коя, он нашел разумным его совет.

— Мудрый грек, когда я вернусь с победой, приходи ко мне. Я не забуду твою верность и щедро награжу тебя. Затем Дарий взял длинный ремень и приказал слуге завязать на нем шестьдесят узлов. После этого вызвали к царю всех начальников греческих отрядов, и Дарий обратился к ним с такими словами:

— Мост не будет разрушен! Возьмите этот ремень. Как только узнаете, что я выступил в поход против скифов, развязывайте каждый день по одному узлу на этом ремне. Если я не вернусь в тот день, когда вы развяжете последний узел, можете возвращаться домой. А до тех пор оставайтесь на месте и стерегите мост.

И Дарий передал ремень лучшему военачальнику — Кою. Распорядившись так, Дарий перешел мост с отрядом своих телохранителей и вступил в скифские земли.

Сначала дорога шла по полям и лугам. Войска переправлялись через небольшие речки, останавливались отдыхать в тенистых рощах и перелесках.

На третий день показался скифский отряд. Над головами всадников колыхалось, переливаясь разными красками, море каких-то необыкновенных чудовищ с хвостами.

Оказалось, что многие воины насадили на пики драконов, вырезанных из разноцветных кусков тканей. Благодаря этому отличительному знаку скифы никогда не нападали по ошибке на свои отряды.

Дарий выслал навстречу врагам самых отборных стрелков. Но как только скифы заметили это, они повернули лошадей и ускакали. Так было каждый раз, как только издали показывались персидские войска: скифы отступали, увлекая врагов в глубь страны. Они выполняли решение, принятое на совете вождей. Они уничтожали все, что оставалось за ними. И персы шли по выжженной степи, покрытой пеплом. Запасы продовольствия на исходе, а в пути ничего не достать — все уничтожено или увезено. Колодцы засыпаны, ручьи и источники загрязнены. Измученные голодом и жаждой, воины пили грязную воду из мутных ручейков и гнилую влагу из болот. А враг по-прежнему был неуловим.

Дарий непрерывно высылал разведчиков, но скифы не показывались. Только страшный след — сожженная степь — говорил о том, что они здесь проходили недавно.

И персы все шли и шли на восток. Наконец они достигли берегов О́ара¹. Здесь решил Дарий остановиться и построить укрепленный лагерь. По его приказу стали возводить высокие деревянные стены. Они окружили огромное пространство. Но не успели достроить и половину, как лазутчики донесли: скифы обошли лагерь и двинулись на запад.

Дарий отдал приказ немедленно сняться с места, свернуть лагерь и догонять скифов. Так и остались стоять недостроенные стены, напоминая в течение многих лет о нашествии персов.

Иногда Дарию казалось, что его войско вот-вот достигнет скифов, — он заранее предвкушал победу в открытом бою.

Но стоило персам подойти поближе, как всадники мгновенно скрывались из виду. Снова и снова отступали скифы, уходили вперед и, как всегда, держали врага на расстоянии одного дня пути от себя.

Этой странной войне с невидимым и неуловимым противником не было конца. А там, у переправы на берегу

¹ О́ а р — Волга.

Истра, каждый день развязывали на ремне один узел за другим!

Не выдержал Дарий, послал к Идантирсу гонца. Персидский посланник, отвесив низкий поклон, обратился к вождю скифов:

— Властитель мой, царь царей Дарий велел передать тебе такие слова: «Если ты чувствуешь свою силу, чтобы противостоять моему войску, остановись, не блуждай больше и сражайся со мной. Если же ты не в состоянии принять бой, то останови свое бегство, признай персидского царя своим властелином и принеси ему в знак покорности землю и воду!»

Идантирс встал и с достоинством ответил персидскому гонцу:

— Никогда и ни от кого не убежал я от страха. Не бегу и теперь я от твоего господина. Мы всегда кочуем по степям. Нам нечего охранять на нашей земле. Нет у нас ни городов, ни полей, и мы не боимся, что их разрушат или покорят. Скифам незачем торопиться воевать с вами. Если же вы хотите ускорить сражение, то попробуйте осквернить могилы наших предков — много у нас курганов в степях. Вот тогда вы узнаете, как мы мстим за оскорбление наших святынь.

Молча слушал перс вождя скифов; наконец разгневанный Идантирс обратился к гонцу Дария с последними словами:

— Ни воды, ни земли я не пошлю твоему царю. Я отправлю дары, какие ему больше подобают. А за то, что твой царь назвался моим властелином, я жестоко расплачусь с ним. Я почитаю своими владыками только бога и предков!

Ни с чем уехал персидский посол. А Идантирс созвал всех вождей и военачальников и рассказал им о предложении Дария. Возмутились скифы. Они считали, что пора уже дать отпор персидской армии, измотанной долгим походом.

Один отряд под началом Скопаса отправился к Истру. Ему было поручено уговорить греков разрушить мост, чтобы отрезать персам путь к отступлению.

Два других отряда, которыми командовали Идантирс и Таксак, не давали персам покоя, нападая на них днем и ночью. Особенно доставалось врагам, когда они выходили добывать продовольствие. Скифская конница обращала

в бегство персидских всадников. Они мчались к пехоте, чтобы скорее получить подкрепление. Тогда скифы, не желая вступать в бой с персидскими стрелками, поворачивали обратно. В персидском войске исыякло продовольствие. Скифы теперь боялись, что Дарий будет вынужден покинуть их земли, прежде чем они разгромят его войско. Поэтому они время от времени оставляли свой скот, а сами уходили в другое место. Персы делали набеги и уводили стада, радуясь добыче. Дарий медлил, так как все еще надеялся покорить скифов.

Когда же мелкие стычки и постоянные нападения вконец измотали персов, Идантирс отправил к Дарию посла.

Скифский всадник явился в лагерь противника и потребовал, чтобы его провели к самому Дарию.

Гордо вошел скиф в царский шатер; в руках он нес корзину, закрытую платком.

— Мой господин послал приношения, достойные тебя, владыка персов, — сказал он, протянув корзинку стоящему рядом военачальнику.

Тот снял платок, и все, кто был в шатре, с изумлением увидели птицу, мышь, жабу и пять стрел.

— Что это значит? — удивился Дарий. — К чему мне эти животные и ваши стрелы?

Едва уловимая насмешка появилась на лице скифа.

— Мне приказано доставить тебе эти дары и немедленно возвратиться обратно. А какое значение имеют эти предметы, узнайте сами. Ведь вы, персы, мудры и догадливы. — И, повернувшись, скиф вышел из шатра, легко вскочил на коня и исчез в степи.

Дарий был озадачен скифскими приношениями. Он позвал всех военачальников и так растолковал им значение присланных даров.

— По-моему, — начал Дарий, — прислав эти дары, скифы признают мою власть и выражают покорность. Они приносят нам свою землю и воду. Ведь мышь живет в земле, лягушка в воде, птица в воздухе. Пять стрел означают, что скифы отдают нам свою воинскую доблесть.

Все почтительно молчали. Объяснение властелина казалось маловероятным: скифский посол держался так гордо и независимо, — но возразить царю никто не посмел. Только Гобрий недоуменно покачал головой. Он был один из семи знатных персов, которые помогли Дарию низвер-

гнуть самозванца Гаумату. Поэтому он не страшился царя и смело высказал ему свое мнение:

— Владыка, ты жаждешь покорности от скифов, поэтому ты всюду видишь ее. Дары же эти имеют совсем другое значение. Я бы так прочел это послание: «Если вы, персы, не улетите, как птицы, в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами наших стрел».

Задумался Дарий, выслушав слова Гобрия. Не хотелось ему соглашаться с Гобрием, но уж слишком очевидна была его правота, да к тому же все военачальники согласились с ним.

Понял Дарий, что Гобрий правильно истолковал смысл подарков Идантирса. Бесполезно было думать о завоевании скифских земель, надо было возвращаться домой, пока еще не погибла вся армия.

Поделился Дарий своими сомнениями с Гобрием, и тот посоветовал немедленно выводить армию к Истру, пока еще цел мост.

Чтобы подойти к переправе раньше скифов, персы решили обмануть их: как только наступит ночь, как всегда, зажечь огни в лагере. И когда все лягут спать, тихо, чтоб никто не знал, поднять всех сильных и здоровых воинов и уходить отсюда. А слабых и больных, которые задержат всех в пути, не брать с собой. Нужно оставить и ослов, чтобы казалось, будто в лагере все на месте.

Темной ночью в полной тишине покинули персы лагерь. Они обещали вернуться утром за теми, кто оставался.

Огни горели в лагере всю ночь. Привязанные ослы кричали и ревели громче обычного. Хитрость удалась: скифы не подозревали, что персидское войско покинуло лагерь.

И только утром брошенные больные воины поняли, что их обманули. Тогда они с криками обратились к скифам и просили о помощи. Услышав это, скифы соединили все свои отряды и бросились в погоню за персами.

Скифы не думали, что Дарий будет возвращаться той же дорогой, по которой пришел, где все было выжжено. Но ни Дарий, ни его военачальники не знали других путей. Кроме того, большая часть войска Дария состояла из пехоты. Скифы же были все на конях.

Скифы опередили персов и подошли к мосту раньше их.

Они остановились в ожидании противника. Преимущество было на их стороне. Надо было помешать персам переправиться на другой берег. Поэтому скифы послали к грекам, охранявшим мост, гонца и велели ему сказать такие слова:

— Время, назначенное для ожидания Дария, уже прошло. Вам больше нечего бояться персидского властелина, мы его уничтожим вместе с его войском. Вы же разбейте мост и уходите по домам.

Греки не решились принять совет скифов. Но и спорить с ними они не хотели. Поэтому они пообещали исполнить их просьбу и даже для виду разрушили начало моста у самого берега.

Начальник греков обратился к скифам:

— Вы дали нам хороший совет и пришли вовремя. Как видите, мы уже начали приводить ваш совет в исполнение. Пока же мы рубим мост, вы найдите персов и отомстите им за нас и за себя.

Поверили скифы речам греков и ушли искать персидское войско. Но опять им не удалось встретиться с Дарием, так как снова они пошли по другой дороге.

Когда же Дарий наконец добрался до берегов Истра, он с ужасом увидел, что часть моста разобрана и переправа невозможна.

Царь понимал, что со времени его выступления в поход прошло больше дней, чем было узлов на ремне. Неужели же охрана моста ушла и путь отрезан?

Тогда один из свиты Дария, египтянин с очень громким голосом, стал на берегу и позвал начальника охраны. Как громopodobная труба, прозвучал крик египтянина, и на том берегу его услышали. Немедленно были доставлены корабли для переправы воинов, мост наведен. И Дарий во главе своих поредевших отрядов благополучно перебрался на другой берег.

Так бесславно закончился поход Дария на скифов. Второй раз свободолюбивые кочевники нанесли поражение могучим персам. В прикаспийских степях массагеты разбили Кира, а скифы прогнали Дария.

Так была развеяна слава о непобедимости персидских воинов.

В Марафонском сражении пало около шести тысяч четырехсот персидских воинов, а со стороны афинян сто девяносто два...

Геродот, Книга VI, 117

Как обычно, с восходом солнца слуга неслышно вошел в царскую опочивальню:
— Владыка, помни, ты должен наказать этих непокорных эллинов, которые не дали тебе воды и земли, не признали твоей власти и убили твоих послов.

Почти два года будит слуга этими словами Дария. Нельзя забыть страшное оскорбление, которое нанесли ему афиняне и спартанцы. Все племена эллинов — во Фракии и Фессалии, Фокиде и Беотии¹ — с почетом приняли послов персидского властелина и обещали признать его власть.

А Спарта и Афины. . . До сих пор закипает кровь в жилах Дария, и страшный гнев охватывает его, когда он вспоминает о том, что сделали с послами великого царя, царя царей.

Дарий отправил в Элладу лучших придворных из самых знатных родов. Послы явились в Афины:

— Царь великий, царь царей, могущественный Дарий — покоритель всех стран, не хочет напрасного кровопролития. Признайте добровольно его власть над собой, дайте нам в знак покорности землю и воду, и вы мирным путем вольетесь в великую Персидскую державу.

— Никогда не будут афинские граждане рабами персидского царя! — ответили послам старейшины Афин.

А затем воины схватили послов, связали им руки и ноги и бросили их в глубокую яму.

— Вот наш ответ вашему великому царю царей!

В Спарте послов кинули в колодец и, стоя около него, глумились над ними:

— В колодце много воды, а на дне хорошая земля. Возьмите там сколько угодно земли и воды и отнесите их вашему властелину!

Неистовый в гневе, Дарий решил жестоко наказать презренных эллинов. Не подчинились они добровольно — он силой заставит их покориться.

Дарий двинул огромную армию на запад, в Грецию. Переправившись через Геллеспонт² на кораблях, одна часть

¹ Фракия, Фессалия — области в северной части Балканского полуострова; Фокида, Беотия — области Средней Греции.

² Геллеспонт — ныне Дарданеллы.

персидского войска шла по дорогам, другая морем двигалась вдоль берега на юг.

Вдруг поднялся страшный ураган. Море бушевало, волны заливали суда, перекатывались через палубы. Ветер гнал корабли на запад, к скалам Афонского мыса. Триста кораблей разбились об эти скалистые берега. Более двадцати тысяч моряков и воинов погибли во время бури: одни расшиблись на прибрежных камнях, другие не умели плавать и утонули, третьих растерзали кровожадные морские хищники.

Ночью греки неожиданно напали на сухопутное персидское войско. И разбитые остатки когда-то огромной армии Дария с позором вернулись домой.

Вот почему Дарий повелел своему слуге будить его каждое утро, напоминая о том, что надо отомстить ненавистным эллинам.

Теперь, через два года после катастрофы у Афонского мыса, были вновь отстроены корабли, собрана огромная армия. И начался второй поход на Элладу.

Опасаясь коварного Афонского мыса, где всегда свирепствуют штормы, персидский флот обошел его. Часть войска двигалась по суше. По дороге персы захватили много островов и городов Греции. Одни подчинились Персидской державе; другие бежали в горы, испугавшись несметных полчищ врагов, оставляя все имущество на разграбление; третьих покорили силой оружия.

В конце августа персы осадили Эретрию, главный город острова Эвбеи. Шесть дней отчаянно сопротивлялись патриоты, сражаясь у стен города. Они были обречены: ведь персидская армия во много раз превосходила отряды греков.

«Эвбея в руках персов! Пала Эретрия!» — эта страшная весть быстро распространилась в Афинах. Ужас охватил жителей. Было ясно, что, захватив Эвбею, персы высадятся на материк и двинут войска в Аттику.

Началась подготовка к обороне. В Спарту был послан Фидиппид, лучший афинский скороход. Ему поручили просить у спартанцев помощи в борьбе с общим врагом всей Эллады.

Без промедления совершил Фидиппид долгий путь в

Спарту и попросил, чтобы его тотчас проводили к правителю.

После приветствия и поклонов Фидиппид произнес взволнованную речь:

— Афиняне просят вас, лакедемоняне, оказать помощь. Нельзя допустить, чтобы древнейший из эллинских городов попал под власть варваров. Эретрия уже порабощена, и Эллада стала беднее на один город!

Задумался правитель Спарты, не решаясь сразу дать ответ. И тогда Фидиппид, который передал все, что ему было поручено, добавил уже от себя:

— Падение Афин будет началом порабощения всей Эллады. Устоит ли тогда одна Спарта перед натиском такого страшного врага?

На другой день Фидиппид получил ответ: лакедемоняне согласны послать в Афины своих воинов. Но только это будет сделано не теперь. По обычаю Спарты, всякий поход мог начинаться только при полнолунии. Фидиппид же явился в Спарту на девятый день месяца, когда еще до полной луны было далеко.

— Скажи твоим архонтам, — передали ему, — мы выступим сразу после наступления полнолуния.

С тем и вернулся в Афины Фидиппид. Надо ждать полной луны.

А время не ждало.

Уже начала переправляться в Аттику неисчислимая персидская армия. Войска заняли узкую косу на севере Марафонской равнины. Это была лучшая боевая позиция, укрепленная самой природой.

Там, между морем и болотами, полководцы Дария Датис и Артафрэн расположили в боевом порядке свои войска. Они готовились к наступлению на Афины: туда от Марафона шла прямая дорога.

Положение в Афинах было тяжелое. Помощь Спарты запаздывала. Хуже всего было то, что афинские аристократы ненавидели народную власть и готовы были на все, лишь бы избавиться от демократии.

— Лучше власть персидского царя, чем господство презренной черни! — говорили они.

Когда в Афинах свергли тирана Гиппия, он бежал в Персию и стал служить в войсках Дария. Теперь он возвращался в Афины во главе одного из отрядов персидского

войска. Гиппий хорошо знал, что среди афинских аристократов он найдет людей, которые охотно перейдут на сторону властелина Персии.

Действительно, их оказалось немало. Они теперь, предвидя гибель Афин, подняли головы и были готовы предать свой родной город.

А между тем афиняне готовились к обороне. Все мужчины, способные носить оружие, юноши и совсем пожилые мужи, вступили в отряды войск. Даже рабам выдали оружие и военные доспехи, обещая им свободу за мужество и отвагу.

Афинские стратеги не могли договориться, где встретить врага: в открытом ли бою на поле Марафонском или ждать осады Афин и обороняться у стен города.

Тогда выступил стратег Мильтиад:

— С того времени как существуют Афины, им никогда не угрожала такая опасность, как теперь. Если мы будем ожидать наступления персов, то можем понести поражение. Если же наш город выйдет победителем в этой войне, то он станет первым в ряду городов Эллады.

Решено было встретить врагов в открытом бою. И на другой день утром афиняне заняли позиции в южной части Марафонской равнины, на возвышенности у храма Геракла. Оттуда был виден лагерь противника, боевое расположение его воинов, хорошо просматривалась дорога, ведущая к Афинам. Ее-то и нужно было защищать, чтобы преградить врагам путь к сердцу страны.

В последний момент явилось подкрепление. Граждане Платеи прислали свои военные отряды. Они были не очень многочисленны, но эта неожиданная помощь подняла дух афинян и еще больше укрепила их уверенность в победе.

Персы были ошеломлены. Неожиданное появление афинского войска расстроило их планы. До сих пор, казалось, удавались все их расчеты: греки были застигнуты врасплох, у них не было времени собраться с силами и дать отпор врагам, дорога на Афины открыта. Впрочем, ни Датиса, ни Артафрена не слишком беспокоили эти осложнения.

Неужели малочисленные отряды афинян и платейцев устоят против многотысячной пехоты и конницы войска царя Дария! Сам Гиппий не сомневался в этом, и персид-

ские военачальники были твердо уверены в победе. Они не торопились открывать военные действия.

В греческом лагере спорили, как быть: ожидать ли, пока персы начнут наступление, или самим ринуться в бой и неожиданным ударом оглушить противника.

— Разве такая горсточка людей может разбить огромную армию? Стоит ли рисковать? — говорили одни.

— Только внезапное нападение и решительный удар обеспечат победу, — настаивал Мильтиад.

Десять стратегов было у афинян. Четверо были согласны с Мильтиадом, другие пять возражали ему. Последнее слово оставалось за полемархом¹ Каллимахом. К какому решению он примкнет, то и будет приведено в действие.

И снова зазвучали горячие речи Мильтиада:

— Решай, Каллимах! Теперь или никогда! Если мы не выступим немедленно, великая смута овладеет афинянами. Поднимут голову сторонники Гиппия и отдадут нас во власть персов. Если же мы внезапно нападём на врагов и оглушим их неожиданным ударом, мы можем одержать победу, и наше отечество будет свободно. Берегись, не слушай тех, кто боится открытого сражения.

И Каллимах склонился на сторону Мильтиада.

13 сентября 490 года до н. э. произошла знаменитая в истории Эллады Марафонская битва.

Греками командовал Мильтиад.

Он построил свои войска таким образом, что боевая линия эллинов по длине должна была равняться боевой линии персов. Оба фланга, правый и левый, были надежно укреплены. Ряды войск стояли плотно один за другим, по несколько в каждом крыле. Но середина была слабой, так как здесь находилось небольшое количество гоплитов².

Мильтиад подал сигнал, и эллины беглым маршем устремились на противника.

Этот маневр ошеломил персов. Безумные афиняне шли на верную гибель — без конницы, без стрелков из лука, — одни гоплиты рискнули кинуться на врагов.

Последние сто метров эллины пронесли вихрем. Мильтиад знал, что персидские стрелы разят на близком рас-

¹ По л е м а р х — один из десяти архонтов.

² Г о п л и т ы — тяжеловооруженные воины.

стоянии, поэтому он дал приказ ускорить бег, чтобы избежать потерь.

Но вот наконец сошлись оба войска, и начался жаркий рукопашный бой.

Греческие гоплиты действовали смело и отважно: в таких схватках они были сильнее персов, их копья и мечи разили врагов.

Долго шло Марафонское сражение. Фланги греков стояли намертво, наносили смертельные удары врагам. Но персы прорвали центр и устремились вглубь, преследуя отступавших афинян.

Тогда Мильтиад отдал приказ флангам соединиться, и персы, прорвавшие боевую линию греков, оказались отрезанными. Греки расправились с ними.

И продолжалось сражение на поле Марафонском. Еще много раз наступали эллины, вселяя ужас и панику в ряды персидских воинов. Раньше всего не устояли фланги: там были воины из разных стран, покоренных Дарием. Только в центре находились пехота и конница из самих персов. Они-то и сопротивлялись дольше и упорнее всех. Но после разгрома флангов не выдержали и они.

Афиняне преследовали бегущих до самого моря. И здесь, на берегу, продолжались схватки. Однако персы успели погрузиться на корабли, и только семь персидских судов достались грекам.

Наконец вражеский флот отчалил. Наблюдавшие за этим греки вдруг увидели, что суда взяли курс не на север, а на юг, в обход мыса Суния. Не трудно было догадаться, что они идут в Афины.

Значит, персы не оставили мысли захватить столицу Аттики, очевидно надеясь на помощь сторонников Гиппия.

Тогда Мильтиад приказал идти в Афины — защищать город. Греки совершили стремительный переход и в короткий срок построили оборону у стен родного города.

Когда персидские корабли подошли к афинской гавани Фалэру, Афины уже были под надежной защитой.

Персы постояли некоторое время на рейде, но не рискнули высаживаться на берег на виду у греческого войска. Через некоторое время они снялись с якорей и пошли, взяв курс на север.

И греки перестали бояться персов и верить в их непо-

бедимость, тогда как до этого одно имя персов наводило на них ужас.

В одной братской могиле, тут же на поле Марафонском, были похоронены афиняне, в другой — воины Платеи.

На надгробных плитах высечены имена тех, кто пал с честью в боях. Не забыли афиняне помощи, оказанной им жителями Платеи. Каждый раз во время всенародных празднеств и жертвоприношений, когда афинский жрец молился о даровании благ афинянам, он никогда не забывал упомянуть и платейцев.

Назначив Ксеркса царем персов, Дарий готов был выступить в поход. Но случилось иначе...

Геродот, Книга VII, 4

В СТОЛИЦЕ У ДАРИЯ

Стол ломился от яств. Сверкало золото кубков. В высокие серебряные кувшины налито прохладное вино. На чеканных блюдах из серебра и золота дымились огромные куски жареного мяса, лежал разрезанный на части, сваренный в котле молодой бычок. Горой возвышались сушеные и свежие фрукты, сладости из меда, всевозможные пряности. Целую толпу можно было накормить всем, что здесь было приготовлено. Но за столом сидело всего человек двадцать. В самом центре, на великолепном троне с позолоченными ручками и спинкой, восседал сам персидский властелин Дарий. Мягко ниспадали складки его длинной одежды из узорной шерстяной ткани с вышитой каймой. И хотя было очень жарко, царь не только не открывал ворота, но даже не снимал с головы тяжелую тиару, богато украшенную золотом. Пир давали в честь прибывшего гостя, и Дарий хотел ослепить его блеском своего богатства и роскошью. По левую руку от Дария сидел его сын, наследник Ксеркс, рядом с ним — брат царя Артабáн, а справа, на почетном месте, — грек Демарáт.

Он-то и был этим высоким гостем. Впрочем, называть его гостем было не совсем верно. Демарат был одним из двух спартанских царей. Спартанцы были им недовольны, и Демарату пришлось покинуть родной город. Он решил бежать в Персию и искать там защиты у царя Дария.

Демарат не ошибся. Дарий принял его очень ласково, поместил во дворце и в его честь задал пир. Только самые близкие родственники и знатные царедворцы могли принимать участие в этом пиршестве.

Уже было съедено много жирных блюд с острыми приправами, много выпито крепкого виноградного вина.

Демарат устал от обильной еды. Он не привык к таким пирам. У него на родине спартанцы питались очень умеренно. Главным блюдом была знаменитая черная похлебка. И вино он пил не так, как персы, а по обычаю греков — разбавлял его на две трети водой.

Демарат с нетерпением ожидал конца обеда. Для него еда никогда не была удовольствием и развлечением. Есть нужно, чтобы жить, — так думали в Спарте. И ему казалось, что пир будет продолжаться вечно.

И действительно, снова появились слуги с блюдами, на

которых дымилась только что сваренная рыба, и поставили их на стол. Каково же было удивление Демарата, когда он увидел на одном из блюд огромного тунца, на других — толстых, засыпанных солью угрей, на третьих — вареных кальмаров. Все это было полито соусом из тертого сыра с маслом, заправленного уксусом и сладкой подливкой. Пучки острой и сильно пахнувшей зелени украшали эти яства.

— Как! За твоим столом, владыка, подают рыбу, которую ловят в Эгейском море? — не удержался от восклицания Демарат.

— Ты угадал, Демарат, — самодовольно улыбнулся Дарий. — Эта рыба была два дня назад поймана рыбаками в Эгейском море. Ее приготовили по греческому обычаю мой слуги-греки. Отведай и скажи, как тебе понравилось.

И Дарий взял руками большой кусок тунца и положил его на тарелку Демарата, а затем и на свою. И оба, отрывая пальцами маленькие кусочки, стали медленно есть.

Еще больше удивился Демарат:

— Как это возможно? Рыбу тебе привезли за два дня. А я ехал по твоей лучшей в мире дороге из Эфеса в Сузы девяносто дней. Не крылатые ли кони у твоих гонцов, раз они смогли так быстро пролететь по всему пути? Ведь только по воздуху могут так стремительно передвигаться лошади.

— И все-таки только два дня везли эту рыбу в закрытых серебряных сосудах, наполненных водой. И воду меняли за это время несколько раз, наливали свежую и прохладную.

— Я верю тебе, мой господин. Но я все же не могу понять, как это могло случиться. Два дня вместо девяноста!!! Мой ум не может этого постигнуть.

— Плохо же ты замечаешь то, что вокруг тебя. Разве ты не видел, что по всей дороге расположены постоянные дворы. Их сто одиннадцать на всем пути.

— Я не только видел их, — отвечал Демарат, — на многих постоянных дворах я ночевал во время моего путешествия к тебе.

— Так вот, около каждого такого двора и по дороге между ними стоят дозоры всадников. Когда нужно передать срочное распоряжение в далекие места, то мы даем почту всаднику, который мчится к первому посту. Второй

отдает ее третьему, третий четвертому — и так до конца. Короткое расстояние лошадь пробегает очень быстро. Так можно за два дня проскакать весь путь от Суз до Сард. Точно так привозят мне по этой «царской дороге» свежую рыбу из Эфеса.

— Да, теперь я понимаю, — задумчиво заметил Демарат. — Я слышал в Греции поговорку, что «персидский царь, сидя в Сузах, ест свежую рыбу из Эгейского моря». Прежде я думал, что это шутка. А теперь я вижу, что это правда.

Обед продолжался. Ели руками. Соус подбирали корочкой хлеба. А хлебным мякишем вытирали руки.

Демарат был совершенно потрясен блеском и роскошью персидского дворца. Он привык у себя дома к простой и суровой обстановке. Больше всего его поражало обилие золота и серебра, украшения на одежде царя и придворных, инкрустация на мебели...

Значит, действительно можно верить тому, что в подвалах персидского царя хранятся слитки драгоценных металлов.

«В этом нет ничего удивительного, — подумал про себя Демарат, — ведь все сатрапии каждый год доставляют Дарию всевозможные сокровища. Поэтому его казна всегда полна».

Только одному не удивлялся Демарат. За столом не было женщин. У греков мужчины тоже обедали отдельно от жен. А при гостях греческие женщины никогда не появлялись. Демарат не знал, что персидские женщины всегда проводили время в своих покоях, в женской части дворца. Их охраняли евнухи, и посторонние мужчины не имели доступа к ним.

Демарат недавно приехал в Персию и не успел еще познакомиться со всеми обычаями этой страны.

Но пока шел пир в приемном зале у Дария, все женщины дворца собрались у жены царя — Атоссы. За столом у нее подавались те же блюда, что и у мужчин, но их было гораздо меньше. Царицу окружали царевны, жены и дочери придворной знати и самые младшие сыновья. До пяти лет мальчики находились на женской половине при матери. В этом возрасте отец их никогда не видел. Персы уверяли, что это делается для того, чтобы отец не слишком огорчался, если маленький сын заболет и умрет. Но

как только мальчику исполнялось пять лет, его забирали в помещения, где жили мужчины, и начиналось обучение ребенка. Каждый перс должен быть храбрым воином, искусным стрелком, ловким наездником. Кроме этих «трех наук», персидских мальчиков учили всегда говорить правду. Такое обучение проходили дети всех персов — простых, знатных и даже царей.

Мальчики, не достигшие еще возраста, когда их начинают тренировать в военных играх, находились на попечении мамок и нянек, так же как их сестры.

Вот почему Атоссу окружали не только дочери и внуки, но и маленькие внуки.

Обед кончился. В комнате было шумно и весело. Дети шалили и резвились, взрослые иногда останавливали их, а потом и сами начинали с ними играть.

Только Атосса сидела печальная и молчаливая. Она была погружена в какие-то очень грустные мысли.

Ее беспокоил прием, который Дарий устроил беглому спартанцу Демарату. Она слишком хорошо знала своего мужа и понимала, что, если бы у него не было никакой тайной цели, никогда греку не оказали бы такого почета.

«Неужели Дарий опять собрался воевать?» — тревожно думала она. Сестра Камбиса и жена царя Дария, Атосса видела на своем веку много войн и далеких походов, дворцовых смут и переворотов. Немало смертей близких людей пришлось ей пережить. Гибель отца, убийство его брата Бардии, самозванец Гаумата и, наконец, бесчисленные жертвы войн Дария. На весь мир прославился Дарий своими завоеваниями. От Каспийского моря до Персидского залива, от берегов Нила до реки Инда простираются его границы. Зачем нужны царю еще новые земли? Весь мир хочет подчинить себе Дарий? Неужели он задумал поход на Элладу? Разве мало греческих городов на побережье Эгейского моря в Малой Азии платят ему дань?

Нет, не случайно Демарат бежал в Персию. Не раз говорил Дарий своей жене о том, что богатые рабовладельцы Греции и знатные аристократы недовольны тем, что власть в руках народа. Аристократы перейдут на сторону персов, если он, Дарий, начнет войну.

Но Атосса всегда ему возражала: таких людей в Элладе немного. Захочет ли народ покориться персам? Война может быть тяжелой и кровопролитной. Кто знает, сколько

славных мужей и юношей сложат свои головы на поле брани! Сколько печальных вдов и сирот, матерей и невест будут оплакивать гибель своих близких!

Но что может сделать слабая женщина, даже если она царская дочь и царская жена! Разве послушает ее Дарий? Разве откажется от честолюбивых замыслов завоевать весь мир? Как видно, поражение в Марафонском бою и гибель флота у Афонского мыса не образумили Дария, не послужили для него уроком. И теперь он принимает у себя изменника Демарата, чтобы снова ввязаться в войну, отомстить грекам за все неудачи. Неужели Дарий не понимает, что он снова обрекает свою страну на тяжкие испытания! Только что он подавил восстание в Египте. А усмирить взбунтовавшийся Вавилон удалось благодаря хитрости преданного царю Зопира. Но для этого Зопиру пришлось пожертвовать собой.

Еще совсем недавно, не прошло и года, как поздно вечером во дворец явился человек. Он был закутан в темный плащ, и даже лицо его было закрыто. Страже он показал перстень с царской печатью и был пропущен во дворец.

Несмотря на поздний час, Дарий еще не спал. Он был в дурном настроении. Ходил из угла в угол по своей опочивальне и иногда говорил вслух сам с собой:

— Сколько времени длится осада Вавилона, и город не могут взять... Там стоят самые отборные войска, во главе их отряды «бессмертных»¹. И ничего до сих пор не сделали...

Атосса, сидящая тут же, попробовала успокоить разгневанного мужа:

— Ты же хорошо знаешь, какие толстые стены защищают Вавилон. Помнишь, мы проезжали по ним на колеснице, запряженной четверкой лошадей?..

— А разве там мало ворот? — возразил ей Дарий. — Разве нельзя сделать подкоп?

— Ты не раз сам говорил, что вавилонские ворота сделаны из толстых листов литой меди — их не пробить никакими камнями. Да к тому же осажденные броеают сверху зажженные факелы и льют горячую смолу. Так что и подойти близко невозможно.

Но Дарий раздраженно прервал ее:

¹ «Бессмертными» назывались отряды царских телохранителей.

— А Зофир? Что он делает там, главный начальник над войском? Неужели он ничего не может придумать?

И, распаяясь все сильнее и сильнее, Дарий схватил золоченое кресло и готов был бросить его на пол, чтобы дать выход охватившему его гневу.

Но как раз в эту минуту в опочивальне появилась фигура в темном плаще, закутанная с головой.

От неожиданности Дарий умолк и медленно опустился в кресло, глядя с недоумением на вошедшего. Тот сбросил плащ.

Это был Зофир. Но что это? Он так изуродован! Обрезаны нос и уши, плечи и спина исполосованы бичом, и потоки запекшейся крови покрыли тело.

— Кто тебя изувечил? Кто посмел поднять на тебя руку? — закричал в ужасе Дарий и бросился к Зофиру.

— Никто другой, кроме тебя, не в силах сделать со мной подобное, — отвечал Зофир. — Я сам изуродовал себя от горя, что жители Вавилона глумятся надо мной.

— Несчастный, как посмел ты запятнать свое имя позорным клеймом? Ведь так клеймят только рабов. Неужели же, глупец, ты воображаешь, что неприятель сдастся, когда увидит, как ты себя обезобразил? Ты потерял рассудок, надругавшись над собой!

Зофир низко поклонился Дарию в ноги:

— Прости меня, повелитель, что я не посвятил тебя в свой замысел. Ты запретил бы мне его выполнить. Я решил войти в доверие к вавилонянам. Для этого я совершил над собой позорную казнь.

— Говори яснее, Зофир! Я ничего не понимаю!

— Я поднимусь на стену Вавилона в таком виде и скажу, что это ты наказал меня, как раба. И теперь я хочу отомстить царю за нанесенную мне обиду, и поэтому я перешел к ним. Они не смогут не поверить мне, увидев мое лицо и следы побоев на теле. И тогда я стану у них своим человеком.

— И что же дальше? — недоумевал Дарий.

— А дальше будет так. Через десять дней приведи войско к южным воротам. Вечером я их открою персам. Так мы возьмем Вавилон и накажем бунтовщиков.

Дарий обнял Зофира.

— Пусть будет так. Ты верный слуга. И я щедро награжу тебя и твоих потомков.

Зопир ушел. И через десять дней он впустил в Вавилон персидское войско. Город пал.

Все это сейчас перебрала в уме Атосса, думая о судьбе своей страны, своих детей. Итак, снова война. Всю свою жизнь с раннего детства слышала Атосса о сражениях и битвах. Ее отец Кир сложил голову в боях с массагетами в степях за Каспийским морем. Брат Камбис погиб далеко от родины, возвращаясь из похода в Египет. Не такая ли судьба предназначена Дарию? А что ждет Ксеркса, если он станет царем?

— Если он будет царем, если престол отца достанется ему! — вслух сказала Атосса.

Эта мысль не давала ей покоя и волновала больше, чем предстоящий поход на греков.

Вот почему Атосса была так печальна посреди царившего вокруг нее веселья. И у нее были серьезные основания для этого.

Много сыновей было у Дария. Три сына от первой жены, дочери Гобрия, царедворца. Четыре сына от Атоссы, дочери и сестры персидских властителей.

Старший сын от первой жены, Артабазан, мечтал о царском престоле. А что же тогда будет с Ксерксом, первенцем Атоссы? Ведь он тоже считал себя законным наследником отца. Братья ненавидели друг друга, встречались только на парадах и торжественных приемах у царя в присутствии многих людей.

Атосса поручила одному из самых верных слуг следить за тем, чтобы братья не оставались наедине. Она не ручалась ни за пасынка, ни за сына. Ведь оружие — острый клинок — всегда было при них, и кто знает, чем могла кончиться их встреча. А царь медлит. Он все не может решиться назначить преемника. Но больше уже нельзя ждать. Как только Дарий отправится в поход во главе войска, необходимо правителем Персии назначить наследника. Но кто им будет — Артабазан или Ксеркс?

Эта мысль не переставала мучить царицу. Несмотря на поздний час, она не ложилась спать.

Артабазан настаивает на своих правах — он старший. У всех народов всегда наследует отцу первенец. Но кто была мать Артабазана? Женщина нецарского рода! Да и сам Дарий тогда занимал скромное положение при Камбисе — всего лишь военачальник, хотя и родственник царя.

А ее Ксеркс родился, когда Дарий уже был на престоле Персии. Сама же она, Атосса, дочь могущественного Кира, повелителя многих стран. Не может быть сомнений, кто должен управлять государством, когда Дарий уйдет в поход. Нет, больше ждать нельзя. Надо действовать. Атосса знала, как велико ее влияние на мужа. Она встала с постели и пошла в опочивальню к Дарию. Телохранитель, стоявший у двери, узнал царицу и молча пропустил ее.

Развалившись на своем ложе, Дарий громко храпел. Атосса тихо подошла к нему, дотронулась до плеча и слегка его потрясла. Дарий застонал, повернулся на правый бок, и узорное одеяло, расшитое золотыми нитями, соскользнуло на пол. Атосса подняла его, накрыла мужа и опять попыталась его разбудить. Дарий, не просыпаясь, снова лег на спину и захрапел еще сильнее. От него пахло вином.

Атосса покачала головой. Нет, не разбудить его. Да и поговорить все равно не удастся. Он выпил за обедом слишком много вина. Придется отложить беседу до утра. И она бесшумно вышла из комнаты.

А утром Дарий приказал привести к себе Демарата и имел с ним долгую беседу. Сначала он расспрашивал его об Афинах и Спарте, о количестве воинов во всей Элладе, об их вооружении и боевой тактике. И Демарат охотно отвечал на все вопросы.

И, наконец, Дарий спросил о том, о чем думал все последнее время. Спросил, как будто он уже решил для себя, но все еще колебался: кого же объявить наследником — Артабазана или Ксеркса? Впрочем, зная сильный характер своей жены, он склонялся в пользу ее сына. Но ему все же хотелось услышать мнение постороннего человека.

— Демарат, — обратился он к спартанцу, — кого бы ты назначил своим преемником — старшего сына, который родился не от знатной женщины, или первенца царской дочери?

— В Спарте есть закон, — отвечал Демарат, — по которому царем становится тот сын, который родился во время царствования отца. Сыновья же, родившиеся до его вступления на престол, не могут быть его наследниками. Я полагаю, что этот закон следует применить и к тебе, — заключил Демарат свою речь.

— Я и сам считаю так, — согласился Дарий. — А твои

слова еще больше укрепили мое решение. Быть Ксерксу царем!

И когда позже к царю вошла Атосса, ей уже не пришлось ни в чем убеждать мужа. Он объявил ей, что уже отдан приказ о назначении Ксеркса его преемником и правителем Персии на время его отсутствия.

После этого начались приготовления к походу. Во все сатрапии были посланы приказы о снаряжении военных отрядов. А подготовкой царских воинов — отрядов «бессмертных» — в самой Персии занялся сам Мардоний, главный начальник всего войска.

Оставалось только назначить срок выступления и стянуть все войска к побережью Эгейского моря.

Но совершенно неожиданно пришлось отложить поход. Однажды утром Дария нашли мертвым в постели. Он умер во сне, пораженный какой-то неизвестной болезнью.

На престол вступил Ксеркс, назначенный наследником. Он не оставлял мысли о том, чтобы отомстить грекам за поражение при Марафоне. Ксеркс замышлял завоевать весь мир, превратить все страны в великую Персидскую державу. Но для этого необходимо было укрепиться на престоле, пресечь попытки Артабазана захватить власть. Нужно было тщательно готовиться к новой войне с греками, к нападению на Элладу.

При известии об этом Ксеркс пришел в ярость и велел дать Геллеспонту триста ударов плетьюми...

Геродот, Книга VII, 35

**ЗА ЧТО
КСЕРКС
ВЫСЕК МОРЕ**

ирокий пролив отделяет Балканский полуостров от Малой Азии. Греки прозвали его «Геллеспонт», что означает «Море Геллы».

В незапамятные времена правил Беотией царь Атамант, сын Эбла — бога ветров. Двое детей было у царя — сын и дочь: Фрикс — мужественный юноша и Гелла — нежная, ласковая девушка. Их мать, богиня облаков Нефела, жила среди туч на небе и редко спускалась на землю.

Ино, дочь царя Кадма, увидела однажды Атаманта и захотела стать царицей Беотии. Околдованный ее чарами, Атамант женился на дочери царя Кадма.

Ино возненавидела Фрикса и Геллу, но она боялась гнева Атаманта и не решалась открыто погубить детей царя. Наконец Ино придумала, как избавиться от Фрикса, не навлекая на себя подозрений.

Когда наступило время засеять поля, Ино позвала из селений женщин и сказала им:

— Если хотите получить хороший урожай, высушите перед посевом семена. Чем суше будут зерна, тем больше хлеба вы соберете с полей. Так говорят древние мудрецы.

Женщины вернулись в свои селения. Вскоре по совету Ино вся земля была засеяна сухими семенами. Долго ждали всходов в этом году. Только сорняки выросли на полях, а хлеб не взошел. Наступил голод.

— Это боги разгневались на нас, — говорили люди.

Тогда Атамант решил узнать у дельфийского оракула, как умиловить богов, чтобы они вернули нивам плодородие. Для этого он снарядил послов в Дельфы, в храм, где находилась прорицательница, — пифия.

Настало время, когда Ино смогла осуществить свой коварный замысел. Она вышла на дорогу, по которой должны были проходить послы в Дельфы, и спряталась за кустом. Когда послы подошли к месту, где укрывалась Ино, она вышла к ним навстречу. Ино остановила их и протянула послам ларец с драгоценностями:

— Вот золотые украшения — серьги и подвески, браслеты и кольца. Возьмите их себе.

Удивились послы:

— Зачем ты отдаешь нам свои сокровища? Как мы расплатимся с тобой? Ведь у нас нет ничего.

— Они не нужны мне, — отвечала Ино, — но за это

вы передадите царю не слова пифии, а то, что я вам прикажу!

Послы согласились. Они выслушали царицу и, запомнив все, что она сказала, двинулись в путь.

Вернувшись из Дельф, послы явились к Атаманту и передали ему вместо ответа оракула слова Ино:

— Принеси в жертву богам твоего сына Фрикса, и боги вернут плодородие нивам.

Поник головой Атамант. Тяжело ему было подчиниться оракулу. Но ради блага народа он готов пожертвовать сыном.

Начались приготовления к жертвоприношению. Ино торжествовала — ее план удался. Наконец она избавится от ненавистного пасынка.

Юного Фрикса приготовились вести в храм, как вдруг с неба спустился баран с золотым руном. Его послала Нефела, чтобы спасти своих детей. Фрикс и Гелла уселись на спину барана, и он поднялся с ними высоко в небо и полетел на север.

Они пролетали над зелеными полями, над быстрыми реками, над острыми вершинами гор. И вот показалось внизу безбрежное море. Летит над ним златорунный баран. Крепко держится за золотую шерсть Фрикс. А неосторожная Гелла посмотрела вниз на море, закружилась у нее голова, ослабевшие руки выпустили золотое руно, и она упала в морскую пучину.

С тех пор море, поглотившее Геллу, стало называться Геллеспонтом. И греки считали это море своим. Оно преграждало врагам путь в Элладу.

Ксеркс, властелин всех стран в Азии до берегов Инда, владыка Египта, готовился к походу на Элладу. Весь мир хотел покорить персидский царь.

Ксеркс решил пройти в Грецию самым коротким путем, через Геллеспонт. Для этого он приказал навести мосты в самой узкой части пролива. Западная сторона моста была уже готова и находилась под надежной охраной часовых. Оставалось закрепить вход на мосты с восточного берега.

Наступил полдень. Строители без конца таскали бревна, укладывали их и закрепляли канатами. Истомленные зноем и тяжким трудом, люди едва двигались. Они были

на ногах с самого рассвета. Наконец перед заходом солнца работа была окончена.

В боевом облачении появился Ксеркс на мосту. Косые лучи заходящего солнца отражались на его панцире и высоком шлеме, огнем горели золотые ножны и рукоятка меча. В окружении свиты придворных царь вступил на мост и, как бы испытывая его прочность, топнул ногой, обутой в мягкий кожаный башмак с загнутым носком.

На утро был назначен последний смотр сухопутным войскам и флоту. Войско Ксеркса готово было выступить в поход на греков.

Ксеркс не хотел повторять ошибку Дария, своего отца, потерпевшего поражение при Марафоне. Флот Дария погиб в бурю у Афонской горы. Дурной славой пользуется это место, море там никогда не бывает спокойным. Поэтому Ксеркс ждал три года, пока пророк канал через Афонский полуостров.

На рассвете воины должны быть готовы к выступлению. Раньше обычного часа в лагере наступила тишина. Воины отдыхали перед трудным походом. Только дозорные обходили лагерь и телохранители стояли на часах у царского шатра.

А глубокой ночью разразилась страшная буря. Низкие черные тучи заволокли небо. Молнии прорезали тьму, освещая все вокруг. Оглушительные раскаты грома разрывали тишину. Хлынул ливень. Казалось, будто все моря поднялись вверх и опрокинулись на землю. А потом заревел ураган. Бешеный ветер вздымал волны, море бушевало. Грозные валы с белыми гребнями устремлялись ввысь и со страшной силой обрушивались на берег, на мосты. И когда казалось, что не может быть более сильного шквала, наступал другой, еще ужаснее, чем предыдущий. Шум волн и грохот грома заполнили все, и не слышно было, как разъяренное море рвало и ломало в щепки наведенные мосты. Как будто оно мстило за то, что люди попробовали его укротить.

К утру буря стихла. От мостов ничего не осталось, только выброшенные прибоем изломанные доски и бревна валялись на берегу.

Печально стоял Мардоний у моря, глядя на остатки

того, что вчера еще было мостом. Как сказать об этом Ксерксу? Он так нетерпеливо ждал выступления, и снова все откладывается. Пока не построят новые мосты, нечего и думать о походе. Но кто осмелится доложить об этом властелину?

К Мардонию подошел Артабан, дядя Ксеркса, и, угадав мысли военачальника, сказал:

— Мардоний, ты должен пойти к Ксерксу и обо всем ему рассказать.

— Я?! — удивился полководец.

— Да, ты! Ты или я — только один из нас может это сделать. Но лучше ты. В военных делах он слушает тебя больше, чем меня.

Мардоний наклонил голову в знак согласия. Медленно, точно оттягивая неприятный момент, он направился к царскому шатру.

Ксеркс уже проснулся, но еще не вставал.

— Ну, как мосты? Выдержали бурю? Ты был там? — засыпал он вопросами Мардония.

— Я был там, владыка! — Мардоний умолк.

— Ну?

— Мостов больше нет!

Ксеркс закричал в ярости и заметался по шатру:

— Так-то они надежно строили! Казнить всех строителей! Наказать виновных!!

— Если ты убьешь всех строителей, то кто же будет возводить новые мосты? А виновато во всем море. Это оно разбило мосты и превратило их в щепки.

— Тогда надо наказать море! Я приказываю высечь его плетьюми и надеть на него оковы. Тысячу ударов плетьюми! — повторял взбешенный Ксеркс.

Мардоний оторопел: высечь море и заковать в кандалы! Такого еще никогда не случалось! Но как выполнить царский приказ?

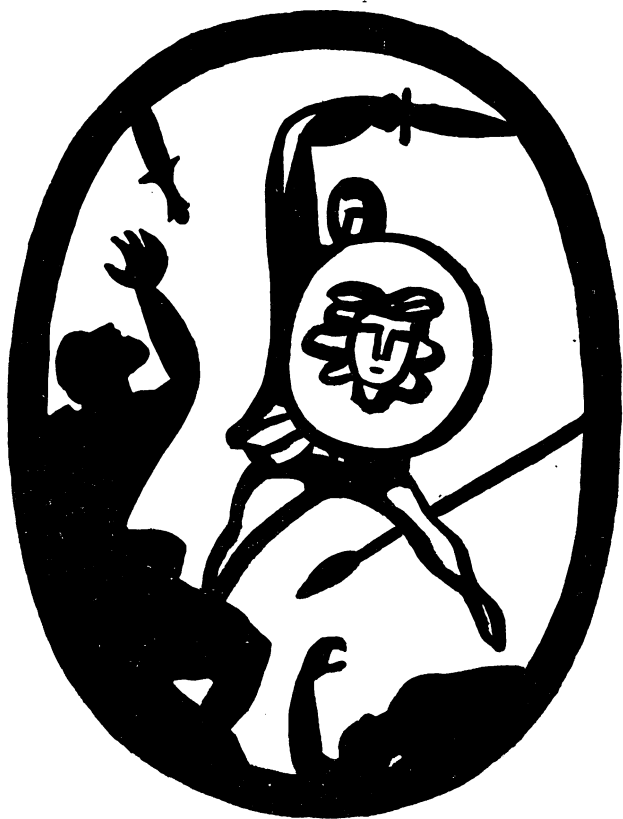
Мардоний отправился за советом к Артабану. Последний хорошо знал дикий и необузданный нрав своего царственного племянника. Артабан понимал, что невыполнение сумасбродного приказа будет стоить жизни кое-кому из приближенных царя. И он посоветовал Мардонию исполнить прихоть Ксеркса.

Но как все это осуществить? Как можно заковать море в кандалы?

Наконец решили отправить на берег целый отряд воинов. Они должны выступить в роли палачей и казнить море. Каждый взял в руки длинный бич и ударял по Геллеспонту, приговаривая:

— Тебя, горькая вода, казнит так владыка за то, что ты причинило ему обиду, хотя он тебя не обижал. Царь Ксеркс со своим войском переступит через тебя, хочешь ты этого или нет.

А потом «палачи» взяли железные кандалы и отправились к морю — наложили на морскую воду клеймо и опустили на дно оковы. Так было наказано море по велению разгневанного персидского царя.

На военном совете эллины решили загородить проход в Фермопилах. О существовании тропинки, из-за которой они были впоследствии отрезаны, никто не знал...

Геродот, Книга VII, 175.

**СЛАВА
ЗАЩИТНИКАМ
ФЕРМОНИЛ**

Вся персидская армия была стянута к новым мостам — переправе, построенной через Гелеспонт. Ждали царского распоряжения, чтобы начать переправу через пролив.

Наконец вдали показались отряды царского войска. Впереди ехала тысяча всадников, потом шла тысяча воинов с копьями, опущенными к земле. За ними следовало десять прекрасных лошадей с пастбищ Несейской долины в Мидии. Эти лошади были даром персидскому богу Ахурамазде. Затем двигалась священная колесница бога, запряженная восьмеркой белых лошадей. Возница, держа вожжи, шел рядом, так как никто из людей не был достоин взойти на нее. За ней на боевой колеснице, запряженной несейскими лошадьми, ехал Ксеркс. Позади царя шли копьеносцы с поднятыми вверх копьями. Проносились всадники на горячих конях вороной масти, и, наконец, шествие замыкали десять тысяч всадников. Ни одного жителя из покоренных персами стран не было в их рядах. Все двадцать тысяч принадлежали к знатным персидским родам и были самыми храбрыми воинами в армии Ксеркса.

На ночь войска расположились на отдых.

Вдруг к берегу приблизилась лодка. Она бесшумно скользила по волнам, так как весла ее были обвязаны кусками материи, чтобы не скрипели уключины. Но как только гребцы высадились на берег, перед ними выросла грозная фигура вооруженного воина. Он велел им следовать к начальнику береговой охраны — Датису.

Начался допрос. Гребцы оказались греками, их послали к переправе, чтобы добыть сведения о персидском войске. На вопросы они не отвечали, и Датис назначил на утро их казнь. К царю послали гонца с сообщением о поимке соглядатаев.

Решение Ксеркса было неожиданным.

— Нам не страшны афинские лазутчики. Не мы должны бояться их! Пусть они испугаются, увидев наше могучее войско.

И Ксеркс повелел гонцу передать приказ об отмене казни. А греков целый день водили по лагерю. И когда стемнело, усталых пленников привели в шатер Ксеркса. Царь приказал развязать им руки и обратился к ним с такой речью:

— Итак, вы видели моих воинов, пехоту и конницу, верблюдов и мореходов. Это только небольшая часть моего войска! Идите же в Афины, расскажите о том, что вы видели, и дайте мудрый совет вашим правителям — пусть пришлют мне землю и воду в знак того, что они покорились мне. Если же афиняне не захотят добровольно подчиниться моей власти, я силой заставлю их платить дань.

И Ксеркс отдал приказ отпустить греков.

Перед переправой Ксеркс пожелал устроить смотр войскам. На холме был поставлен высокий трон из белого мрамора. Отсюда были хорошо видны строившиеся в боевом порядке отряды, морская гавань, где был собран весь флот. Флотоводцы устроили маневры судов и показали морской бой. После этого началась переправа.

По одному мосту шли пехота и конница, по другому — вьючный скот и военная прислуга. Впереди всех шли десять тысяч персов с венками на головах — шли, как на праздник, предвкушая победу. Одновременно с войском двинулись в путь и корабли. Семь дней и семь ночей без остановки шли войска по мостам, и, наконец, все несметные полчища Ксеркса переправились в Европу. Царь в окружении «бессмертных» — телохранителей замыкал шествие.

Страшное зрелище представляла собой эта лавина воинов, движущаяся по мостам, и сам царь на своей боевой колеснице, богато украшенной золотом, казался неземным существом.

Один из прибрежных жителей Геллеспонта, глядя на это, в ужасе воскликнул:

— Зачем, Зевс, ты принял образ перса и назвался Ксерксом?! Зачем, желая сокрушить Элладу, ты ведешь с собой столько людей?! Ты мог бы это сделать и без них!

После переправы, когда все войско было сосчитано и построено в ряды, Ксеркс пожелал осмотреть его. Он сел на боевую колесницу и объехал все отряды конницы и пехоты из конца в конец. Затем Ксеркс сел на корабль, где специально для царя был раскинут золототканый шатер. И, сидя в нем, Ксеркс проплыл вдоль кораблей, построенных в одну линию. Все воины были в полном боевом облачении.

Так закончил Ксеркс смотр своей армии и дал приказ готовиться к походу: кораблям плыть на юг, вдоль бере-

гов, пехоте и коннице через леса и горы держать направление на Афины — сердце Аттики.

Перед долгой и трудной дорогой Ксеркс отдыхал в своем шатре... Он вызвал к себе Демарата и обратился к нему с вопросом:

— Ты служил моему отцу, теперь ты один из моих военачальников. Но ты грек, и Спарта одно из сильнейших государств Эллады. Так скажи мне: устоят ли против меня греки и дерзнут ли поднять на меня руку? Я хочу знать, что ты думаешь об этом — ведь ты хорошо знаешь твоих сограждан.

Демарат медлил с ответом. Наконец он произнес:

— Как отвечать тебе, царь? Сказать тебе истину или говорить то, что тебе хочется услышать?

— Говори только правду, Демарат! Ты же знаешь, что умение говорить всегда только правду — это одно из трех искусств, которым обучают персов с детства: владеть мечом, ездить на коне и быть всегда правдивым. И что бы ты ни сказал мне, я не изменю к тебе своего расположения!

— Тогда слушай меня, повелитель! Я буду говорить о спартанцах. Нет в Элладе того богатства, как в твоей стране, но доблесть побеждает и бедность. И если все эллины перейдут к тебе, и тогда спартанцы не склонят перед тобой голову. И если у них будет всего тысяча воинов, то и тогда они будут сражаться с твоим войском до последнего человека.

Ксеркс засмеялся:

— Пустые твои слова, Демарат! По-твоему выходит, что на одного эллина придется тысяча моих воинов. Не бывает на свете таких храбрецов. Не устоять Элладе против меня!

— Я был уверен, повелитель, что тебе не понравятся мои слова. Ты знаешь сам, что я предан тебе и ненавижу тех, кто захватил власть в Спарте. Но помни, что не только доблесть отличает спартанцев, но и повиновение закону. А закон требует от воинов одного — не покидать поля битвы, сколько бы ни было воинов у противника, оставаться в строю и одержать победу или пасть на поле брани. Если ты считаешь, что слова мои ничего не значат, я впредь буду молчать. На все, господин, пусть будет твоя воля.

— Ну что же, Демарат, — улыбнулся Ксеркс, — ты бежал из Спарты, ты служил моему отцу и теперь служишь

мне и вместе со мной идешь завоевывать Элладу. Но ведь и сам ты спартаец, и с такими полководцами мне не страшен никакой противник!

По всем городам Эллады разослал Ксеркс гонцов, требуя земли и воды, и много северных городов склонили голову перед могущественным персидским властелином. Без боя проходили персидские войска по равнинам Фессалии и Беотии, и жители встречали их и по приказу владыки готовили для них обильную еду. Тяжела была эта повинность, разорялись горожане, но не осмеливались ослушаться.

Только в Спарту и Афины Ксеркс не послал гонцов. Свежо было у него в памяти, как поступили там с послами отца.

Победным маршем двигалось персидское войско на юг. И Ксеркс не сомневался в успехе. Он так был уверен в этом, что даже отпустил захваченные корабли, груженные хлебом. Они шли от берегов Понта на Эгину и Пелопоннес.

— Куда держите вы путь? — спросил Ксеркс приведенного к нему начальника флотилии.

— К твоим врагам, владыка, везем хлеб, — последовал ответ.

— Не держим ли и мы путь туда, куда следуют они с хлебом и другими запасами? Что же плохого в том, что они везут для нас продовольствие!

Демарат, главный советник Ксеркса, как всегда, находился около господина. Смешанное чувство владело им. С одной стороны, он радовался тому, что скоро увидит Спарту, отомстит тем, кто был причиной его изгнания, побежденные спартанцы будут у его ног. И вместе с тем Демарат прекрасно сознавал, какой дорогой ценой будет куплено его наслаждение мезтью. Его сограждане понесут тяжелые потери, многие из них найдут смерть, и гордая, независимая Спарта преклонит колени перед властелином мира — персидским царем.

Демарат не находил покоя. Надо было что-то предпринять. Пусть лакедемоняне хотя бы знают, что их ждет. Нужно предупредить их, что Ксеркс готовится к войне.

Демарат решил известить Леонида о начавшейся переправе через Геллеспонт. Он выбрал для этого гонцом самого близкого, самого верного человека — своего сына.

Одного только не мог понять Демарат, зачем он это сделал. Хотел ли он действительно предупредить спартанцев о нависшей над ними угрозе рабства? Или он заранее наслаждался при мысли о том смятении, которое вызовет в Спарте его сообщение?

В Спарту явился путник. Никто не знал, откуда он. По лицу — грек, по одежде — варвар, перс. Он пришел издалека и требовал свидания с царем. Подозрительный вид пришедшего насторожил спартанцев, но человек был так настойчив, что его в конце концов проводили к одному из двух царей Лакедемона.

Неизвестный низко поклонился, достал спрятанный на груди плоский предмет, тщательно завернутый в кусок ткани, и протянул его Леониду:

— Это велел передать тебе отец мой Демарат.

— Демарат? — удивился Леонид. — Что нужно царю, изгнанному из своей страны и бежавшему к врагам? Какое предательство замышляет он против своих бывших сограждан?

— Прочти, и тебе станет ясно, о чем он предупреждает тебя. «Пусть в Лакедедоне первыми узнают, какая судьба ждет Элладу» — эти слова Демарат приказал передать тебе.

Леонид взял завернутый предмет и начал осторожно разворачивать его. Жестом он отпустил гонца, и тот удалился.

С изумлением смотрел Леонид на восковую табличку, освобожденную от куска материи: воск был чист и нетронут, ни одной строчки, ни одной буквы не было на ней начертано.

— Что это значит? — воскликнул Леонид. — Пустая табличка!

Никто из присутствующих не мог разгадать значения «ненаписанного письма».

— Это насмешка над нами, — говорили одни.

— Демарат предупреждает, что нас ждет неизвестная судьба! — предполагали другие.

«Беглец и предатель хочет вернуться. Письмо послано, чтобы выведать, как будет принят его гонец», — думали третьи.

И только вечером, когда Леонид рассказал о случившемся жене, она дала ему разумный совет:

— Попробуй соскоблить воск с таблички. Может быть, на дереве ты найдешь надпись.

Действительно, когда удалили воск с таблички, на деревянной дощечке ясно проступили ровные строчки письма:

«Владыка Персии, царь царей Ксеркс, собирается выступить в поход на Афины. Хотя он говорит только об Аттике, знайте — поход будет против всей Эллады. Ксеркс хочет завладеть ею так же, как Египтом, Вавилоном и многими другими странами. Я посылаю к вам гонца, чтобы вы, лакедемоняне, первыми узнали об этом».

Прочитав это послание, Леонид догадался, почему оно было покрыто воском. Демарат опасался, что гонца могут задержать в пути и обнаружить письмо. Тогда оно не попадет по назначению, посланного казнят, да и сам Демарат подвергся бы суровому наказанию. «Пустая табличка» не была уликой, и можно было не опасаться, даже если она попадет в руки неприятеля.

Одного только не мог понять Леонид: из каких побуждений Демарат предупредил их о предстоящем походе Ксеркса на Элладу. Может быть, в нем заговорила совесть и он позаботился о том, чтобы нашествие персов не было неожиданным для его бывших сограждан. Или Демарат был уверен в том, что Ксеркс поработит Грецию, и из ненависти к эллинам в злорадстве поспешил известить об этом лакедемонян.

Но какие бы причины ни побудили Демарата прислать им это известие, спартанцы начали готовиться к предстоящей войне.

В греческих городах уже давно распространились тревожные слухи:

— Ксеркс выстроил мост через Геллеспонт!

— Персы роют канал вокруг Афонского мыса!

— Неисчислимые полчища варваров начали переправляться в Европу!

— Вражеский флот движется на эллинов!

Вернулись из Азии афинские лазутчики. Они своими глазами видели огромное войско в лагере персидского царя и подтвердили все слухи.

Но все еще не было согласия между городами Эллады.

Они постоянно решали споры силой оружия, то и дело возникали кровопролитные войны.

Теперь, перед страшной угрозой варварского вторжения, все раздоры надо прекратить.

Спартанцы отправили гонцов во все греческие города. Они созывали правителей на общеэллинский совет.

Всюду произносили гонцы одинаковые речи:

— Послали нас лакедемоняне и их союзники звать вас против персов. Слышали вы, что Ксеркс соединил мостом Геллеспонт, чтобы перевести свои войска и идти войной на Афины? Замышляет же он поработить всю Элладу! Помогите нам. Будьте освободителями отчизны вместе со всеми эллинами!.. Не рассчитывайте, что персидский царь, одолев нас, не явится сюда. Помогая нам, вы защищаете самих себя. Хорошо задуманное дело имеет хороший конец.

Не все города Греции откликнулись на призыв Спарты — некоторые совсем не дали ответа. Аргос уже успел заключить с персами соглашение и заявил о своем нейтралитете, города Крита ответили отказом. Но все же в храме Посейдона на Коринфском перешейке собралось много граждан со всех концов Эллады. Было решено прекратить войны между греческими городами-государствами, объединиться всем эллинам и действовать заодно в борьбе с персами.

Ксеркс между тем уже захватил Северную Грецию и начал продвигаться в Аттику. Путь на Афины проходил через Фермопильское ущелье. Именно там сосредоточили эллины союзные войска. Здесь решено было встретить врагов и преградить им дорогу к сердцу Аттики. Сама природа, казалось, благоприятствовала этому.

На западе Фермопил поднимается высокая отвесная гора. Ни пройти по ее склонам, ни подняться на ее вершину. На востоке — непроходимые топи болот, часть границы проходит по морю. Само же ущелье настолько узкое, что там едва может проехать повозка. Когда-то на севере у Фермопил была сооружена стена. К этому времени большая ее часть разрушилась. Теперь эту стену спешно восстанавливали.

Около пяти тысяч воинов из разных городов Греции собралось у Фермопил. Из Спарты под предводительством Леонида прибыл отряд гоплитов. Их было триста человек. Среди них находился сын Леонида.

Леонида единодушно избрали военачальником над всем войском. В сухопутных сражениях спартанцы славились как самые храбрые и надежные бойцы, а о доблести и мужестве Леонида знали во всей Элладе.

Греческие войска заняли рубежи у входа в Фермопильское ущелье и готовились дать отпор наступающему врагу.

Подступы с моря защищал соединенный флот Эллады. Большая часть кораблей принадлежала Афинам.

Во главе флота был спартанский царь Эврибиад. Афиняне роптали. Они считали унижительным подчиняться спартанцу. Назревала ссора. Афинский стратег Фемистокл понимал, что распри между союзниками в такой момент могут привести к гибели. Он добровольно уступил командование Эврибиаду. Своих же сограждан уговаривал не ссориться с ним. Свою речь Фемистокл закончил такими словами:

— Покажите свою доблесть в борьбе с варварами. Если вы докажете, что афиняне сильны не числом триер, но славятся храбростью, мужеством и стойкостью, то весь флот Эллады добровольно подчинится Афинам!

И действительно, афиняне стяжали себе славу тем, что храбростью они превзошли неприятеля, благородством — союзников. Этим они обязаны были Фемистоклу.

В детстве Фемистокл поражал всех своим острым умом и неистощимой энергией. Он никогда не сидел без дела, не любил детские игры, не принимал участия в забавах товарищей. Фемистокл мечтал стать оратором. Часто он воображал себя судьей или защитником и произносил пламенные речи, то обвиняя преступника, то защищая обвиняемого.

Не раз говорил ему учитель:

«Мальчик, ты никогда не будешь посредственностью! Из тебя выйдет нечто великое — доброе или злое».

Слова учителя оправдались. Фемистокл прославился тем, что благодаря его заботам в Афинах был создан мощный флот.

— Надо ожидать нового нашествия вражеских войск, Персы захотят мстить за свое поражение! Наша сила в боях на море. Надо создавать флот, строить корабли, — не уставал повторять Фемистокл.

Для этого нужны были большие средства. И Фемистокл стал уговаривать афинян отказаться от прибылей,

которые давали Лаврийские серебряные рудники. Их делили между всеми афинскими гражданами, и на долю каждого приходилась немалая сумма. Афиняне были согласны с Фемистоклом, его горячие речи убедили всех, кроме аристократов. Аристократы не хотели отказываться от доходов. В конце концов большинство одержало верх: на доходы от серебряных рудников было построено сто триер и афинский флот стал самым могущественным в Элладе.

Фемистокл занял позицию около острова Эвбеи, у мыса, где стоял храм богини Артемиды¹. В ее честь мыс назывался Артемисий.

Вдали показались персидские суда. Они приближались к берегу. Часть кораблей причалила к нему, остальные стали на якорях.

Ночь прошла спокойно.

На рассвете при ясном небе и тихой погоде разразилась сильная буря, подул резкий восточный ветер, который местные жители называли геллеспонтским. Он рвал снасти и опрокидывал вражеские корабли. Волны сносили мачты и ломали обшивку. Многие суда были разбиты и затонули. Персидский флот, еще не вступив в бой, понес большие потери.

Греки считали это хорошим предзнаменованием. Они рассказывали, что им помог бог ветров Борей, женатый на афинянке.

Когда прекратился шторм и море успокоилось, персидские суда зашли в пролив и выстроились против греческих. К этому времени сухопутные войска Ксеркса подошли к Фермопилам.

Армия эллинов была готова к встрече с неприятелем. И хотя греки знали, что силы у них неравные, одно чувство владело каждым воином — победить или умереть в бою, но не сдаться персам.

Еще по пути к Фермопилам Ксерксу донесли, что греки готовятся к обороне. Он послал туда разведчика узнать, как велика армия греков и что они делают. Персидский всадник подъехал к расположению греческих войск совсем близко. На него никто не обратил внимания. Однако разведчику была видна только часть войска, находившаяся

¹ Артемида — богиня охоты, сестра Аполлона.

перед стеной. Он был поражен тем спокойствием, которое царило в их лагере: одни воины занимались гимнастическими упражнениями, другие расчесывали волосы. Вернувшись к царю, всадник рассказал обо всем, что видел.

Ксеркса удивило поведение греков, их спокойствие.

— Скажи, Демарат,—обратился он к спартанцу,— смешно ли, что, готовясь к сражению, греки занимаются гимнастикой и заботятся о своих прическах?

— Я и прежде говорил тебе о спартанцах. Так знай же, что перед тобой находится самое доблестное государство и храбрейшие из греков. Если ты покоришь их, ни один народ в мире не сможет устоять перед тобой.

— Неужели же небольшая горстка воинов собирается сразиться с моей неисчислимой армией?

— Эти люди пришли защищать подступы к Афинам. Они будут стоять насмерть. И чем большая опасность грозит им, тем большее спокойствие они сохраняют. Великий владыка, ты можешь наказать меня за ложь, если не произойдет все так, как я говорю,—заклучил Демарат и отвесил Ксерксу низкий поклон.

Но Ксеркс и на этот раз не поверил Демарату.

Четыре дня стояло на месте персидское войско. Ксеркс ожидал, что греки увидят его полчища и покинут Фермопильское ущелье.

Но эллины и не думали отступить.

И тогда на пятый день Ксеркс, разгневанный упорством греков, послал против них мидийские полки. Захватить греков живыми и привести их к нему — таков был приказ Ксеркса.

Несколько раз шли в атаку мидийские воины, но каждый раз отбивались греки, и враг уходил с большими потерями. Сражение длилось целый день. И к ночи мидяне отступили.

На следующий день Ксеркс повелел выступить своим лучшим войскам, которые назывались «бессмертными». Это были самые отборные персидские воины, и командовал ими знатный перс Гидарн. Против них эллины не смогут устоять.

На возвышенном холме поставлено было кресло для Ксеркса, и оттуда он наблюдал за сражением.

Вот двинулись к ущелью первые отряды «бессмертных». В узкую теснину прошло немного воинов, вся масса оста-

лась у входа. Эллины встретили их лесом ощетилившихся копий. И так как копья их были длиннее персидских, то враги были отброшены и понесли большие потери.

Снова и снова наступали персы, снова и снова их отбрасывали эллины.

И вдруг неожиданно греки повернулись и стали отступать. С победным криком персы устремились в теснину. Они уже почти настигли убегающих. Но в этот момент греки бросились врукопашную. Они уложили множество персидских воинов. Несколько раз повторяли эллины этот прием, и каждый раз персы, решив, что наконец-то греки отступают, теряли многих убитыми и ранеными.

Три раза вставал в гнев Ксеркс со своего кресла, видя, как терпят поражение его воины. И на этот раз персам пришлось отступить.

Эллины поразили Ксеркса своей стойкостью и выносливостью. Тут вспомнил он слова Демарата. Только теперь понял персидский властелин, что не удастся измотать эллинов ни долгой осадой, ни упорными боями. И тяжело было у него на сердце, так как не знал царь, как выйти ему из этого положения, что предпринять.

В этот момент в лагере персов появился молодой грек. Его схватили стражники, но он требовал, чтобы его отвели к царю, так как у него есть важное сообщение.

Стражники недолго колебались. Пленный был доставлен к начальнику стражи. А тот привел его к царской палатке и доложил о нем Ксерксу. Тот приказал вести грека.

— Говори, зачем пришел! — грозно сказал ему Ксеркс.

Пленник посмотрел на начальника стражи:

— Только тебе одному я могу все сказать!

Ксеркс жестом повелел начальнику удалиться, и, когда тот ушел, грек промолвил:

— Я знаю дорогу в обход Фермопильского ущелья.

Ксеркс с недоверием посмотрел на него:

— Ты сам поведешь?

— Да, я буду проводником...

— Помни, если обманешь, будешь на месте убит!
А если сказал правду — получишь награду.

— Я это знаю. Верь мне, владыка! Я ненавижу чернь, которая правит в Афинах. Лучше твоя власть над нами, владыка, чем их.

Ксеркс хлопнул три раза в ладоши и велел вошедшему слуге позвать Гидарна.

— Собери отряд из самых лучших воинов. Вот этот грек будет твоим проводником. Он укажет путь, как обойти Фермопилы.

И с приближением ночи, когда настал час зажигать огни, большой отряд под предводительством Гидарна покинул лагерь. Проводник шел впереди.

Отряд переправился через реку и подошел к узкой тропе. Она вела на гору сквозь покрывавший ее склоны лес. Всю ночь двигались воины, взбираясь все выше и выше, и заря встретила их уже на вершине. Там на южном склоне была греческая застава, охранявшая тропу. За частыми деревьями им не были видны персы, но хорошо были слышны их шаги по шуршащей прошлогодней листве. Раздалась команда. Греки схватили оружие и выбежали навстречу персам. Завязался бой. Персы отбили атаку и начали спускаться с горы. Проводник шел впереди, указывая дорогу.

Прибежавшие к Леониду воины с заставы сообщили, что персы обходят гору. Грек-предатель открыл им тропу и ведет вниз. Леонид понял, что бесполезно всему войску оставаться в Фермопилах. Большая часть греков должна была отступить. Отряд спартанцев во главе с Леонидом остался на месте. Не ушли также и отряды, над которыми был начальником Демофил. Он сказал, что не покинет Леонида в опасности. Они должны были задержать наступление персов и прикрыть отход остальных войск.

Пока Гидарн обходил гору, Ксеркс снова повел свои войска на приступ Фермопильского ущелья.

Греки, защищавшие ущелье, знали, что им не выйти оттуда живыми. Но они были полны решимости прикрыть отход своих отрядов и дрались отчаянно, не щадя своих жизней.

Тучи стрел посылали персы на горстку смельчаков, засевших в ущелье, даже солнце померкло от их множества и ясный день потемнел. Но стрелы отскакивали от панцирей тяжеловооруженных воинов. Яростным натиском обрушились спартанцы на персов. Мечами и копьями разили они врагов, не давая им опомниться, и теснили их из ущелья. Но Ксеркс поставил позади своего войска целый отряд стражников с бичами, и они избивали каждого, кто

бежал с поля брани. И на место одного убитого перса становилось десять других.

Но вот переломались копья у спартанцев, и они пошли драться врукопашную. В смертельной схватке персы и греки поражали друг друга мечами. Но чаще ловкие и тренированные спартанцы побеждали своих противников. Трудно было устоять перед таким многочисленным противником. Вот, сраженный, упал Леонид.

Гибель вождя еще больше ожесточила спартанцев, и они продолжали храбро наступать. Сломались в бою мечи. Один за другим падают отважные воины, их становится все меньше и меньше. Нет копий и мечей — дерутся руками и зубами.

Много сотен персидских воинов пало в этот день. Среди них были и знатные военачальники, принадлежавшие к богатым персидским родам. Погибли и царские родичи, убиты два брата Ксеркса.

Но вот наконец показались отряды Гидарна, которые проводник-предатель привел в тыл спартанцев. И кончилось сражение.

Оставшиеся в живых похоронили убитых в братской могиле и поставили над ней камень. Ксеркс торжествовал победу. Путь на Аттику в Афины наконец был открыт. Но он хорошо понимал, что на самом деле только предательству он обязан своим торжеством.

Когда предложение пелопоннесцев стало одерживать верх, Фемистокл тайком вышел из собрания и послал в сторону персов человека в лодке с поручением...

Геродот, Книга VIII, 75

Быстро разнеслась по всей Элладе весть о подвиге эллинов во главе со спартанским царем Леонидом. О том, как храбро сражались они и сложили свои головы в Фермопильском ущелье.

Ужас охватил жителей всех греческих городов. Вся Северная Греция уже в руках врагов, путь на Афины открыт. Теперь надо ожидать, что Ксеркс двинется через Истмийский перешеек в Пелопоннес. И там, на Истме, стали срочно возводить оборонительные укрепления — высокую стену.

Но разве могла она стать надежной защитой от неисчислимых полчищ варваров? Разве могла она устоять против натиска персидского войска?

После битвы при Артемисии греческие суда отступили к острову Саламину. Однако спартанцы не собирались оставаться на острове, они торопились в Спарту, чтобы там готовиться к обороне.

— Персы своими многочисленными судами легко могут окружить Саламин, и мы окажемся в осаде, — говорил Эврибиад. — Если же мы будем сражаться у Истмийского перешейка, то при отступлении мы всегда сможем найти убежище у себя дома.

Все стратеги были согласны с Эврибиадом.

Они решили покинуть Саламин и стать на якорях около Истма.

Один Фемистокл возражал против этого плана, но его никто не слушал. Он был в отчаянии. Он не знал, как убедить стратегов стать на его сторону.

Фемистокл понимал, что только победа на море может спасти Элладу. Афины были обречены. О сражении под их стенами нечего было и думать. Все граждане должны покинуть город и перебраться на Саламин. И там, в узком проливе между островом и материком, дать персам морской бой. Весь союзный флот — триста десять триер — должен принять в нем участие.

Но как убедить союзников не сниматься с якорей, не уводить свои корабли и остаться на месте у Саламина?

Как уговорить афинских граждан бросить свои дома и все имущество, поля и сады, забрать женщин и детей, стариков и больных и переселиться на остров?

Неожиданно счастливый случай пришел Фемистоклу

на помощь. Афиняне верили, что в храме на Акрополе¹ обитает священная змея, покровительница города; пока она на месте, Афинам не грозит никакая опасность. Всякое новолуние ей приносили медовую лепешку, и каждый раз на следующее утро лепешка исчезала.

Жрецы говорили: «Богиня приняла жертву». Народ был спокоен — богиня хранит свой город.

И вдруг в этот тяжелый для Эллады час лепешка осталась на месте.

«Змея ушла из храма! Богиня не приняла жертвы!» С быстротою молнии это известие облетело Афины, и ужас охватил всех граждан.

Узнали об этом и союзники. Афиняне были в панике. И тогда Фемистокл решил воспользоваться суеверием своих сограждан.

— Богиня указывает нам путь к спасению. Она оставила Акрополь, ушла к морю и зовет за собой всех афинян! Афинские граждане! Последуем за нашей богиней! — Этим страстным призывом Фемистокл закончил свою горячую речь.

Ему удалось убедить в этом народное собрание, и было решено покинуть город.

Детей, женщин и стариков отправили в город Трезэн. Тамошние жители сердечно встретили беглецов из Афин. Их ссудили деньгами и дали жилища. Все сады открыли для детей и позволили им срывать созревшие плоды. Даже учителям платили трезенцы за обучение афинских детей, чтобы будущие граждане выросли образованными людьми.

Афины опустели. Юноши сразу переправились на Саламин, а взрослые мужчины, проводив жен и детей, присоединились к отрядам, которые начали переправляться на остров.

Всё оставили афиняне — дома и очаги, имущество и стада. Рассказывали, что одна собака не могла расстаться с любимым хозяином. Она плыла вслед за судном, на котором находился ее господин. Когда же он высадился на берег, собака последовала за ним, но тут же от усталости околела у его ног.

¹ Акрополь — «верхний город» — так у греков называлась крепость на вершине холма. Почти у каждого древнегреческого города был свой акрополь.

Афинянин похоронил своего четвероногого друга и поставил памятник. Долго еще показывали на Саламине эту собачью могилу.

Весь флот пока еще оставался у Саламина. Фемистокл настаивал на том, чтобы немедленно дать персам морской бой. Союзные стратеги, а вместе с ними и Эврибиад медлили.

Фемистокл торопил, выступая на каждом собрании.

Однажды Эврибиад резко оборвал его:

— Фемистокл, разве тебе не известно, что на состязаниях всегда бьют того, кто вырывается вперед раньше срока?

— Это так, — возразил Фемистокл, — но тот, кто остается позади, никогда не получает венка!

— Как смеешь ты отвечать мне подобным образом? — вспыхнул Эврибиад и замахнулся на Фемистокла большой палкой.

— Бей, но выслушай! — воскликнул Фемистокл и повторил, что необходимо сразиться с персами в проливе между Саламином и Аттикой.

Тогда один из стратегов насмешливо заметил:

— Подобаает ли тем, у кого нет больше родины, уговаривать других оставить свою отчизну?

— Негодяй! — вскричал Фемистокл. — Мы покинули наши дома и нашу крепость. Спасая свое богатство, мы не хотим стать рабами Ксеркса. Но у нас есть город — наши двести триер. Есть ли в Элладе другой город больше этого? Если вы останетесь, то мы поможем и вам. Если же вы покинете Саламин, то мы уйдем отсюда на наших кораблях, найдем другие земли и построим новый город, не хуже того, который был у нас!

Между тем Ксеркс двигался на юг во главе своей армии, грабя и сжигая все на своем пути.

Наконец они достигли Афин. Царь был поражен мертвой тишиной безлюдных улиц.

Город был пуст.

Только небольшая кучка людей, которая отказалась переселиться на Саламин, укрылась в храме на Акрополе. Ворота заложили тяжелыми бревнами и досками. Персы пытались прорваться на Акрополь, но осажденные бросали им на головы огромные камни. Тогда вражеские стрелки заняли высоту напротив Акрополя, они обертывали

вали стрелы паклей, зажигали их, и из тугих луков пускали в Акрополь.

Начались пожары. Но и это не сломило сопротивления афинян.

Но вот несколько вражеских воинов тихо обошли Акрополь, вскарабкались по отвесной скале и очутились в лагере осажденных. Завязался отчаянный бой. Один из персов подбежал к воротам и открыл их. Персидские воины ворвались на Акрополь. Тогда те, кто еще оставался в живых, с криком «Лучше смерть, чем рабство!» бросились вниз со стены и разбились.

Персы разграбили сокровищницы храмов, а затем подожгли все здания. Акрополь запылал, как огромный факел. Далеко вокруг Афин было видно зарево.

— Акрополь в огне! — разнеслось по Саламину, когда там увидели зарево пылающего пожара.

— Ксеркс овладел Афинами!

— Аттика во власти варваров!

— Пелопоннес в опасности! Персы пройдут через Истм!

Из уст в уста передавались эти страшные вести. И снова союзники заколебались, каждый хотел вернуться в свой город.

А тем временем несметное число персидских судов подошло к Саламину.

До поздней ночи держали совет греческие стратеги. Фемистокл, как всегда, настаивал на немедленном сражении:

— Разве есть более удобное место, чем пролив у Саламина? Он такой узкий, что тяжелые персидские суда не смогут развернуться.

Большинство стратегов не соглашались с ним. Они хотели обождать, пока не начнут действовать персы.

Тогда Фемистокл решился на отчаянный шаг. Он незаметно покинул совет и позвал своего слугу Сикинна. Этот слуга был из пленных персов. Когда-то Фемистокл спас ему жизнь, и Сикинн был предан ему. Вот этому человеку Фемистокл доверил свой рискованный план. Он решил послать Сикинна в стан врагов.

«Те поверят персу», — предполагал Фемистокл.

Сикинн сел в лодку и, стараясь не шуметь веслами, тихо подошел к одному из вражеских кораблей. Его подняли на борт, повели к военачальнику.

— С какой вестью ты пришел к нам? — спросили его.

— Меня тайно прислал Фемистокл. Он желает победы царю царей, так как рассорился с союзниками и ненавидит своих сограждан. Нет согласия между эллинами. Они враждуют друг с другом, боятся вас и хотят уйти отсюда.

— Что же советует нам твой хозяин?

— Он сказал, если вы немедленно окружите весь греческий флот и не дадите никому уйти, то греки не устоят против вас. Те, кто вам сочувствует, будут драться с теми, кто против вас. Победа вам обеспечена.

Сообщив все это, Сикинн покинул вражеский корабль и так же незаметно вернулся на остров Саламин.

Персы поверили словам Сикинна. Немедленно доложили об этом Ксерксу, и он распорядился последовать совету Фемистокла.

Когда наступила ночь, персидские суда направились в узкий пролив. Гребцы повязали паклей весла, чтоб они не скрипели в уключинах, и тихо окружили остров.

Как раз в эту ночь возвращался на родину афинянин Аристид.

Три года назад он был изгнан из Афин и нашел убежище на Эгине.

Фемистокл давно знал Аристида. Они когда-то вместе учились, оба участвовали в сражении при Марафоне, оба занимали высокие должности в Афинах, но между ними никогда не было ни дружбы, ни согласия. Спокойный и выдержанный Аристид был полной противоположностью пылкому и честолюбивому Фемистоклу.

Фемистокл старался противодействовать любому предложению Аристида. Тот иногда отвечал ему тем же.

Однажды Аристиду удалось одержать верх над Фемистоклом, когда тот был прав.

Покидая собрание, Аристид одумался и обратился к согражданам:

— До тех пор вы, афиняне, не будете в безопасности, пока не сбросите нас обоих — меня и Фемистокла — в пропасть!

Главным достоинством Аристида была удивительная честность и справедливость. Ему дали прозвище «Справедливый».

Когда афиняне подвергли Аристиду остракизму¹, произошёл такой случай: один неграмотный крестьянин, не зная Аристиду, протянул ему черепок и попросил написать на нем «Аристид».

— Разве он чем-нибудь обидел тебя? — удивился Аристид.

— Нет, — ответил крестьянин, — я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу «Справедливый» да «Справедливый»!

Аристид ничего не сказал, написал свое имя и вернул крестьянину черепок.

Покидая Афины, Аристид поднял руки к небу и воскликнул:

— Пусть никогда не настанет для Афин тяжелый час, который заставит их вспомнить об Аристиде!

Прошло три года. Для Афин наступил тяжелый час. Фемистокл понимал, какую помощь может оказать Аристид в это трудное время. Забыв вражду, Фемистокл добился возвращения Аристиду.

Аристид едва пробрался на Саламин сквозь ряды вражеских кораблей.

«Нас окружают», — подумал он.

С этим известием Аристид пришел к Фемистоклу, как только высадился на берег.

— Если есть в нас хоть капля разума, — сказал Аристид, — забудем о раздорах и отдадим наши жизни на благо Греции. Все море покрыто вражескими судами. Волей-неволей придется вступить в бой. Скажи об этом Эврибиаду.

— Я принимаю твое предложение, — отвечал Фемистокл. Он помолчал немного, а затем добавил: — Я не хочу таиться от тебя. Знай же, персы окружили нас по моему совету. Эллы не хотели сражаться на море, а ведь это единственная возможность разгромить варваров. Иди же ты к стратегам и убеди их, что нет у нас другого выхода. Тебе поверят больше, чем мне.

¹ Остракизм не был наказанием за преступление. Он считался «усмирением и обузданием могущества». Приговор выносили таким образом: каждый гражданин брал черепок — остракон — и писал на нем имя того, кого находил нужным изгнать из Афин. Тот, чье имя оказывалось написанным на шести тысячах и более черепках, изгонялся из Афин на десять лет.

Но стратеги, выслушав Аристида, продолжали колебаться. И только тогда они поверили в то, что персы действительно окружили остров, когда к берегу причалила триера, едва вырвавшаяся из рук врагов. Моряки с ужасом рассказывали, что несметное множество громадных судов заполнило пролив. Тогда начались приготовления к бою.

Наступило утро рокового дня. Ксеркс был твердо уверен в победе. На высоком холме, как раз против пролива, поставили золотой трон под расшитым пестрыми шелками балдахин. Рядом с ним расположились писцы, приготовившись запечатлеть все моменты победоносного сражения. Царская свита заняла свои места вокруг трона. Наконец появился Ксеркс.

Долгое время стояла тишина, никто не решался ее нарушить.

Фемистокл ожидал, когда станет крепчать ветер с моря. Это всегда происходило к концу дня, и тогда усиливалось волнение в проливе. Это время Фемистокл выбрал для начала сражения. Он отдал приказ повернуть триеры носом к противнику. Легкие суда греков покачивались на волнах без всякого вреда для себя. Тяжелые с высокой кормой персидские корабли испытывали сильную качку, сбивались с курса и поворачивались бортами к неприятелю.

— Вперед, сыны Эллады! Освободим храмы и могилы предков! Бой идет за все! — раздался призыв на одной из триер.

И на всех трехстах повторили этот клич.

Диким ревом ответили персы, готовые наброситься на эллинов. Но греки опередили их. Одна триера вырвалась вперед, врезалась в персидское судно.

И начался жестокий бой.

Триеры таранили вражеские корабли с бортов, цеплялись медными крюками за нос и корму, срывали обшивку кораблей. Персы нападали недружно, с трудом поворачивались в узком проливе, сталкивались друг с другом, мешали своим наступать. А греки, легко маневрируя на быстроходных триерах, теснили врагов, метали в них копья и рубили мечами, взбираясь на их суда. Победные клики эллинов смешивались со стонами и воплями поверженных врагов.

Сражение продолжалось до поздней ночи. На персидских кораблях, находящихся позади, не знали, что происхо-

дит впереди. Они продолжали наступать, теснили своих же, мешали им и, толкаясь в узком проливе, ударялись друг о друга бортами, ломали и таранили свои же суда. Началось позорное бегство.

Увидев это, Ксеркс встал с трона, разорвал от горя свои одежды и диким, пронзительным воплем огласил всю окрестность.

Греки одержали блистательную победу, славнее которой еще никто не одерживал на море. Но, несмотря на это, война не была окончена.

Ксеркс спешно отправился в Сузы, оставив в Беотии большую армию во главе с Мардоном. Он все еще не терял надежды сломить сопротивление греков. Но при этом и Ксеркс, и его военачальники понимали, что до тех пор, пока Афины и Спарта действуют вместе, с ними будет трудно справиться. Нужно расколоть их союз, посеять между ними вражду. А может быть, привлечь на свою сторону одно из этих государств?

Но как этого добиться? И Мардоний решил действовать хитростью. Неужели афиняне устоят, если персы предложат им союз на выгодных условиях?

С этим предложением явился к Аристиду царь Македонии, давно связанный с персами.

Вот что ему велено было сказать:

— Заключите союз с персидским властелином, и он простит вам все ваши прегрешения против него. Он вернет вам захваченные у вас земли, он даст вам в придачу еще новые, какие вы пожелаете. Храмы и здания будут восстановлены, сокровища возвращены.

Не успел Аристид ответить персидскому посланнику, как явились к нему спартанцы. До них дошли слухи, что Ксеркс хочет нарушить их союз, и они испугались: а вдруг афиняне изменят им и согласятся вступить в союз с персами?

— Мы обещаем вам, — сказали спартанцы Аристиду, — в продолжение всей войны содержать ваших женщин и детей. Не изменяйте нам и продолжайте вместе с нами бороться за свободу!

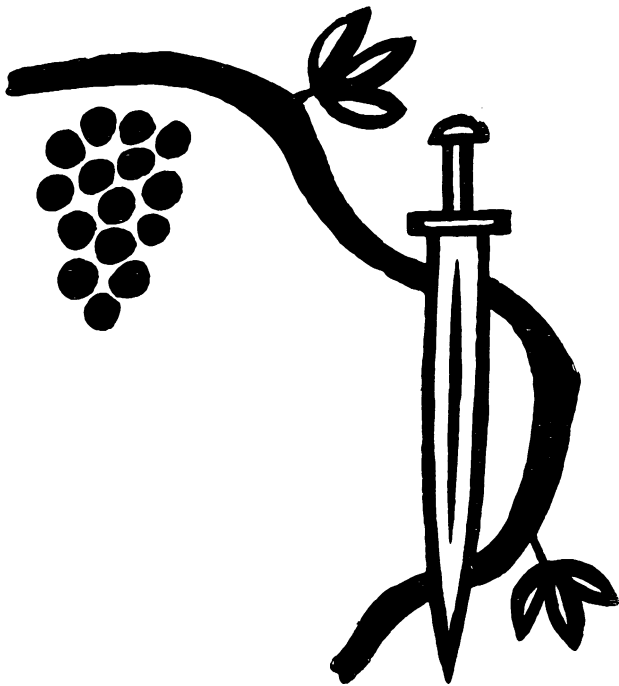
Гордый ответ дал Аристид тем и другим послам:

— Стыдно спартанцам уговаривать афинян защищать

их родину за плату. Только враги могут не знать, что нет на свете такого количества золота, чтобы заставить афинян продать свободу.

Еще резче прозвучал ответ персам. Указав рукою на солнце, Аристид сказал:

— Пока солнце сияет на небе и следует по своему неизменному пути, афиняне не перестанут воевать с персами и мстить за свою разоренную страну, поруганные храмы и оскверненные могилы.

*Какой великой радости лишились
те из греков, которые умерли, не
увидев Александра восседающим
на троне Дария!*

Плутарх, „Александр“

После разгрома персидского флота у Саламина ни одного чужеземного воина не осталось в Элладе. Греческий историк Геродот прославил героические подвиги, мужество и патриотизм своих сограждан. Но ему не довелось увидеть, как было окончательно сломлено могущество персидского государства, в течение многих лет державшего в подчинении и страхе соседние народы.

Геродот умер в 429 году до н. э. Через сто лет после его смерти произошло крушение царства Ахеменидов.

В 331 году до н. э. знаменитый полководец древности Александр Македонский нанес сокрушающий удар Персии, разгромив армию последнего персидского царя — Дария III.

Об Александре Македонском, о его подвигах и победах писал другой греческий историк — Плутарх, который жил в I веке н. э.

Еще царь Македонии — Филипп — готовился к нападению на персидскую державу. Филипп умер, не успев осуществить свои планы. К походу на восток стал готовиться его сын Александр, вступивший на престол после отца. Молодому полководцу было тогда двадцать лет. По обычаю того времени, прежде чем начать какое-нибудь серьезное дело, надо было узнать у оракула, благоприятствует ли этому судьба. Поэтому Александр отправился в Дельфы, чтобы жрица Дельфийского храма сказала ему, что ждет его — поражение или победа.

Во время своего путешествия по Греции Александр заехал в город Коринф. Он хотел побеседовать с жившим там знаменитым греческим философом Диогéном. Это был необыкновенный человек. Он считал, что только тот счастлив, кто ничего не имеет и ничего не хочет иметь. Такой человек не страдает от лишений и ни от кого не зависит. И чтобы доказать всем, что это действительно так, Диоген роздал свое имущество и покинул дом. Он поселился на базарной площади, домом ему служила глиняная бочка.

Диоген лежал в рваном плаще и грелся на солнце. Александр со своей свитой подошел к нему. Услыхав шум приближающихся людей, Диоген поднял голову, взглянул на Александра и снова принял прежнюю позу, не обращая внимания ни на полководца, ни на сопровождавших его людей.

— Приветствую тебя, мудрый Диоген, — обратился к нему Александр. — Скажи мне, чего ты хочешь, и я немедленно исполню твое любое желание!

— Отступи немного в сторону, — отвечал философ, — не заслоняй мне солнца.

Этот ответ произвел на Александра огромное впечатление. Он был поражен гордостью и величием этого человека. Для философа все люди были равны — и знатные, и простые.

Спутникам Александра поведение Диогена было непонятно. Они стали смеяться над философом, который не сумел воспользоваться милостью Александра и ничего не попросил у него.

Александр резко оборвал их, сказав:

— Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном!

Когда Александр попал наконец в Дельфы, то оказалось, что это был несчастливый день. По закону в такие дни запрещалось давать предсказания, поэтому жрица отказалась прийти в храм. Но Александру не терпелось узнать, что ему сулит судьба, и он сам пошел за предсказательницей. В конце концов жрица устала сопротивляться и, собираясь идти в храм, воскликнула:

— Ты непобедим, мой сын!

— Оставайся дома, — ответил ей Александр. — Ты уже сказала мне то, что я хотел узнать.

Наконец последние приготовления к далекому и трудному походу были закончены.

После переправы греко-македонских войск через Геллеспонт произошла первая встреча с персидской армией на реке Гранике. Александр одержал блистательную победу. Это было начало его грандиозных завоеваний.

В то время Персия занимала пространство от Нила до Инда. Берега ее омывали Аральское, Каспийское, Черное, Эгейское, Красное моря, Персидский залив и Индийский океан. За три года Александр подчинил все персидские владения.

Существует легенда, что во фригийском городе Гбрдии хранилась древняя колесница. На ней был очень сложный и запутанный узел из ремней, которым прикреплялось дышло. Когда-то в древности было предсказано: тот, кто сможет развязать этот узел, станет владыкой Азии. Але-

ксандр со своей армией пришел в Гордию и остановился там, чтобы дать отдых войнам. Его повели на место, где хранилась колесница, и показали гордиев узел.

— Развяжи его, — сказал Александру один из присутствующих, — и вся Азия будет у твоих ног. Ты станешь властелином.

Все внимательно глядели на полководца. Если Александру не удастся распутать узел, не покорить ему азиатских владений. А развязать узел невозможно, и ни одному человеку еще не удалось этого сделать. Даже концы узла нельзя было отыскать.

В толпе слышались смешки. Все ждали, что на этот раз царя постигнет неудача.

Но Александр не смутился. Быстрым движением он выхватил из-за пояса меч и сильным ударом разрубил узел. Задача была решена.

Все почтительно склонили головы. Вот он, наконец, настоящий владыка Азии! Но до этого было еще далеко. Правда, Александр уже завоевал Египет и Тир¹, владения Персии в Малой Азии и на побережье Средиземного моря. Но могущество персов еще не было сломлено. Впереди предстояли тяжелые бои.

Александр всегда находился впереди войска. Несколько раз он был на волоске от гибели, много ран получил во время атак, не раз под ним был убит его боевой конь. Но больше всего Александр дорожил конем, по имени Буцефал², которого получил, когда был еще мальчиком.

Случилось это так.

Один житель Фессалии привел Филиппу коня, которого звали Буцефал, так как его морда походила на бычью. Он просил за коня тринадцать талантов³. Конюхи вывели Буцефала в поле, чтобы испытать его. Но конь оказался неукротимым и, как только кто-нибудь пытался подойти к нему поближе, взвивался на дыбы и никого не подпускал. Филипп рассердился:

— Зачем ты привел дикого коня? Его никто не сможет объездить. Немедленно уведи его.

Все это происходило на глазах Александра, который в то

¹ Тир — город в древней Финикии.

² Буцефал — значит быкоголовый (греческ.).

³ Талант — крупная денежная единица.

время был подростком. Он услышал приказ отца и с огорчением воскликнул:

— Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его!

Филипп ничего не ответил сыну.

Тогда Александр несколько раз повторил эту фразу как бы про себя, но так, чтобы отец услышал его.

Тогда Филипп вспылил:

— Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем!

— С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой! — был дерзкий ответ мальчика.

— А если не справишься, какое наказание понесешь за свою самонадеянность? — спросил Филипп.

— Клянусь Зевсом, я заплачу столько, сколько стоит конь!

Все присутствующие громко рассмеялись. Но это не смутило Александра. Он побился с отцом об заклад на тринадцать талантов — цену коня.

Александр сразу подбежал к Буцефалу, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу. Он заметил, что конь пугается, когда видит перед собой колеблющуюся тень. Затем мальчик побежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Когда же конь стал дышать ровнее и успокоился, Александр быстрым движением бросил на землю плащ и легко вскочил на спину коня. Буцефал взвился, но Александр крепко держался. Он дал волю коню и даже понукал его восклицаниями и ударами ноги. И Буцефал понесся по полю. Вскоре всадник скрылся из виду. Все присутствующие затаив дыхание следили за этим поединком. Филипп и свита молчали, объятые тревогой, и с нетерпением ожидали возвращения Александра. Но вот, повернув коня по всем правилам, Александр, гордый и ликующий, подъехал к отцу на укрощенном Буцефале. Толпа приветствовала юного победителя громкими криками. А Филипп прослезился от радости, поцеловал сына и сказал:

— Ищи, сын мой, царство по себе. Македония для тебя слишком мала!

С тех пор Александр не расставался с Буцефалом ни разу, конь сопровождал его во всех войнах и путешествиях. Когда начался поход в Азию, Буцефал был уже стар, но

Александр все же взял его с собой. Коня берегли, никогда царь не садился на него ни в пути, ни во время смотра войск. Только в бой царь выезжал на своем верном коне, и то не всегда, а лишь в особо важных случаях.

Таким особенным и значительным было сражение при Гавгамéлах, и Александр командовал, выезжая на Буцефале. Эта великая битва с Дарием III, последним персидским царем, произошла 1 октября 331 года до н. э.

В эту ночь оба войска сошлись так близко, что в каждом лагере было слышно, что делалось во вражеском. До самого утра были видны огни.

Александрю посоветовали начать наступление, не дожидаясь рассвета, чтобы застигнуть персов врасплох. Но он гордо отказался:

— Я не краду победу!

Персидское войско было во много раз больше, чем армия Александра. И Александр хорошо понимал, что именно поэтому Дарий будет вводить в бой все новые и новые отряды, не считаясь с потерями и гибелью людей. Только победа в открытом сражении может заставить персидского царя сдаться. Когда он воочию увидит разгром своей армии, он потеряет и мужество и надежду.

Так и произошло. Персы не выдержали стремительного наступления греко-македонских войск. Увидев гибель своего войска, Дарий пришел в отчаяние. Он вскочил на коня и удрал с поля сражения. После этого остатки персидской армии частью сдались, частью бежали вслед за своим царем.

Александр даже не стал сразу преследовать Дария.

Через некоторое время Александр понял, что необходимо вновь сразиться с Дарием, пока тот не собрался с силами, чтобы возобновить военные действия.

Александр выступил в поход. Он шел по следам Дария. Преследование было тягостным и долгим. За одиннадцать дней они проехали три тысячи триста стадиев¹ по выжженной солнцем пустыне. Все изнывали от жажды.

Однажды в полдень, когда было особенно жарко, Александр встретил группу македонцев, которые везли на мулах бурдюки с водой. Увидев Александра, страдающего от жажды, один из них наполнил шлем водой и поднес царю.

¹ Один стадий около 180 м.

— Кому вы везете воду? — спросил он.

— Нашим сыновьям. Но если ты будешь жить, у нас родятся другие дети, даже если мы потеряем этих.

Александр уже взял в руки шлем, но, обернувшись, увидел всадников, которые жадно смотрели на воду. Александр вернул шлем, не отпив ни глотка:

— Хвала вам, давшим мне воду! Но я не могу воспользоваться ею. Если я буду пить один, то мои воины совсем падут духом.

Увидев это, всадники хлестнули коней, воскликнув:

— Веди нас дальше, Александр! Мы не чувствуем ни жажды, ни усталости, пока у нас такой царь, как ты.

Наконец они достигли места, где находился Дарий. Александр с шестьюдесятью всадниками ворвался в лагерь. Кругом были разбросаны кубки и оружие из золота и серебра, наготове стояли повозки.

Александр подумал, что персы снова готовятся бежать. Но оказалось, что на колеснице лежит умирающий Дарий, пронзенный многими копьями. Его убили собственные придворные.

Александр подошел к колеснице, Дарий был уже мертв. Тогда Александр снял с себя плащ и покрыл им мертвого царя.

После победы, одержанной при Гавгамелах, Александр овладел всеми городами и землями Персии. Его провозгласили царем Азии.

Наконец состоялся торжественный въезд Александра в самое сердце Персии, в столицу Ахеменидов—Персеполь¹. Он вошел во дворец, где когда-то царствовали Дарий I и Ксеркс. И Александр сел на золотой трон былых владык, перед которыми трепетали народы Азии.

В знаменитой ападане Ксеркса — стоколонном зале — был устроен пир. Военачальники и воины сидели в ярко освещенном чертоге и, поднимая кубки с вином, прославляли своего полководца. А он, сияющий и великолепный, в нарядном плаще, с венком на голове, сидел во главе стола.

И вдруг одна из женщин, присутствующих на пиру, родом из Аттики, подняла кубок и сказала:

— Этот день один из самых счастливых и радостных.

¹ При Дарии I столица была перенесена в Персеполь.

Мы, греки, пируем во дворце поверженных персидских владык. Но если бы мы сожгли дворец Ксеркса, это еще больше вознаградило бы нас за все лишения и муки. Ведь это Ксеркс предал когда-то огню наши Афины!

Ее слова были встречены возгласами одобрения и рукоплесканиями. Пирующие с факелами в руках вышли из дворца. За ними последовала толпа, бывшая во дворе. С победными криками люди стали поджигать огромное здание. И дворец запылал, как грандиозный костер. Сгорели все деревянные части здания. Кирпичные стены обгорали и постепенно разрушались. В конце концов они превратились в пыль. Все это бесследно исчезло.

И только колонны, порталы и лестницы, сделанные из превосходного мрамора, сохранились до наших дней. Среди развалин возвышаются и сейчас эти немые свидетели былого величия и могущества персидских владык, свидетели их страшной гибели и падения.

О г л а в л е н и е

<i>О Геродоте</i>	5
Солон, Солон! (Пролог)	8
Сказание о Кире	16
Письмо, зашитое в зайце	26
Томирис — повелительница массагетов	34
Самозванец Гаумата	42
Семь знатных заговорщиков	52
Неуловимые скифы	60
На поле Марафонском	72
В столице у Дария	80
За что Ксеркс высек море	90
Слава защитникам Фермопил	96
Саламин	110
Гордиев узел (Эпилог)	120

К читателям

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для среднего возраста

Рубинштейн Ревекка Ионовна

ЗА ЧТО КСЕРКС ВЫСЕК МОРЕ

Рассказы из истории
греко-персидских войн

Ответственные редакторы Г. А. Дубровская
и Н. М. Мартынова. Художественный редак-
тор Е. М. Гуркова. Технический редактор
И. П. Савенкова. Корректоры Т. П. Лей-
зерович и С. П. Мосейчук.

Сдано в набор 3/VII 1966 г. Подписано к пе-
чати 6/I 1967 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Печ. л. 8.
Усл. печ. л. 7,46. (Уч.-изд. л. 6,64.). Тираж
50 000 экз. ТП 1966 № 471. А03706. Цена 30 коп.
на бум. № 2.

Издательство «Детская литература», Москва,
М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская кни-
га» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР. Ленин-
град, 2-я Советская, 7. Заказ № 862.

ОСР - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа